

Санкт-Петербургская православная духовная академия

*Архив журнала «Христианское чтение»*

Записка архиепископа Евгения  
Булгариса о лучшем способе  
воссоединения униатов с  
Православною Церковью

*Опубликовано:*

*Христианское чтение. 1887. № 7-8. С. 19-93.*

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия ([www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)),  
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии  
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

*Издательство СПбДА*

Санкт-Петербург

2010

# Записка архіепископа Евгенія Бугариса о лучшемъ способѣ возсоединенія униатовъ съ православною Церковію <sup>1)</sup>.

«И нынѣ овцы имамъ.....

«И тыя же подобаетъ привести.....

Высокородному и Превосходительному  
Господину Тайному Совѣтнику, Святѣйшаго  
Правительствующаго Синода Рберъ-прокурору,  
Императорской избраннѣйшихъ художествъ  
Академіи достопочтеннѣйшему Предсѣдателя  
преемнику, корпуса чужестранныхъ единовѣр-  
цовъ попечительнѣйшему начальнику, Россій-  
ской Академіи Члену и разныхъ орденовъ ка-  
валеру Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину.

*Евгеній, прежде бывшій архіепископъ славен-  
скій и херсонскій, мира, благоденствія и  
всякаго блага свяще желаетъ.*

<sup>1)</sup> О запискѣ этой упоминаетъ митрополитъ Евгеній въ словарь истори-  
ческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской  
церкви (2-е изд. Спб. 1827 г. т. 1 стр. 155) въ слѣдующихъ выраженіяхъ:  
«Отвѣтъ на вопросъ графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, предложен-  
ный по приказанію государыни императрицы Екатерины II о томъ: «какъ  
лучше и приличнѣе можно польскихъ униатовъ обратить и соединить съ пра-  
вославною греческою церковію». Писанъ на простомъ греческомъ 1793 г..  
Митрополитъ Евгеній причисляетъ эту записку къ числу не издаваемыхъ сочи-  
неній Бугариса. Греческому бібліографу Саев (см. его *Νεοελληνική φιλολογία*  
подъ словомъ *Εβγένιος ὁ Βούλγαρις* (стл. 566—571), равно какъ и греческимъ  
біографамъ Бугариса Завиръ, Врего и Стурдзъ она не извѣстна. Сохра-

Обращая въ мысли моей и съ возможнымъ вниманіемъ разсматривая предложеніе, къ размышленію котораго ваше превосходительство въ недавнемъ времени соизволили мнѣ подать поводъ, я, соотвѣтствуя учиненной вами мнѣ чести, ласкаюсь вмнѣ надеждою, что могу представить на оное посильное мое мнѣніе.

Но прежде всего не могу сокрыть здѣсь внутренней моей духовной радости, каковую ощущаю, воображая на самодержавномъ престолѣ, многотруднымъ и разнообразнымъ о государственныхъ

являя ли греческій подлинникъ ея и гдѣ находится, мы не знаемъ. Намъ посчастливилось недавно отыскать у одного изъ видныхъ книжниковъ русскій переводъ ея, неизвестно какъ и для кого сдѣланный. По некоторымъ внѣшнимъ признакамъ можно догадываться, что онъ современенъ подлиннику и едва ли не тотъ самый, который былъ представленъ графу Мусину-Пушкину, который едва ли могъ читать записку въ подлинникъ. Нашъ экземпляръ писанъ на толстой, шероховатой бумагѣ того времени, тогдашнимъ же чоткимъ, красивымъ, но для нашего времени уже архаическимъ почеркомъ, на 40 листахъ, переплетенъ пополамъ (въдолъ) и переплетенъ въ кожаный корешекъ съ золотымъ обрѣзомъ. На лицевой сторонѣ первой доски переплета сохранились слѣды когда-то бывшаго на ней криваго, въ родѣ тѣхъ, какіе обыкновенно наклеиваются на каннахъ спеціальнаго дѣла и бумагъ. Счетъ листовъ ведется двойко—вверху и внизу: вверху по листамъ, арабскими цифрами, а внизу по тетрадамъ—заглавными буквами русскаго алфавита (но не на равномерномъ разстояніи—первая тетрадь помѣчена черезъ 12 листовъ, вторая, черезъ 6, слѣдующія за тѣмъ черезъ восемь, послѣдняя черезъ пять). Въ концѣ рукописи поставлены, по видимому, рукою переписчика, видѣлы имени автора А. Б. (Архіепископъ Евгеній). На оборотѣ перваго листа внизу подпись: Изъ книгъ Св. Стрца. (Семена Старцева?)—вѣроятно одного изъ владѣльцевъ рукописи. На поляхъ сдѣлано нѣсколько неважныхъ замѣтокъ карандашемъ рукою другого владѣльца. Подстрочное примѣчаніе на оборотѣ 1-го листа принадлежитъ переводчику остальныхъ намъ. Мы помѣщаемъ на страницахъ Христіанскія это любопытное произведеніе знаменитаго іерарха столько же изъ уваженія къ его имени, сколько и къ важности вопроса, имъ разсматриваемаго. Интересно было бы знать, на сколько мнѣніе автора отразилось на правительственныхъ мѣропріятіяхъ Еккатеринны II по этому предмету? Неудовлетворить ли этому любопытству почтенный авторъ Исторіи воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старшихъ временъ. Мы печатаемъ этотъ документъ съ сохраненіемъ языка, но не правописанія того времени, — оно зачѣнено современнымъ. Откуда м-ръ Евгеній взялъ дату написанія этого произведенія, именно 1793 годъ, мы не знаемъ, но она подходитъ ко времени службы графа Мусана-Пушкина въ Св. Синодѣ. Онъ былъ оберъ-прокуроромъ Синода съ 31 іюля 1791 по апрѣль 1797 года.

дѣлахъ попеченіямъ, присѣдающее' благочестивое и боголюбивое о благопосищеніи церкви промышленіе. Благословенъ Богъ! Государь христілюбивый печется быть кунно и равноапостольнымъ. Сіе только превосходить древнее желаніе, или наставленіе философа <sup>1)</sup>, колико прямое богопочитаніе превышаетъ любомудріе міра; и мы благоденствуемъ въ предѣлахъ нашихъ, управляемы будучи скипетромъ истинныя христіанскія мудрости.

Показанница Божія; поставя предѣлы благоразумной и справедливой вѣротерпимости, коея уже давно явила она образъ и примѣръ, достойный подражанія всѣмъ земнымъ владыкамъ, простираетъ нынѣ далѣе свою по Богѣ ревность, желая узрѣть, еслибъ былъ къ тому способъ, сопряженныхъ въ единое, мирное исповѣданіе вѣры всѣхъ тѣхъ, которыхъ Вышній благоволилъ покорить власти Бя, или преимущественнѣе тѣхъ, которые изъ давнихъ лѣтъ, послѣдовавшимъ между церквами раздѣленіемъ, къ сожалѣнію, отторглись отъ единства прародительскаго и отцепеданнаго имъ православія.

Къ сему, какъ кажется, клонился предложенный мнѣ вашимъ превосходительствомъ вопросъ: какое можно избрѣсть пристойнѣе и способнѣе врачевство къ воцѣлннн пагубнаго сего раздѣленія, во времена смутныя, въ сосѣдственныхъ намъ градахъ распростра- нившагося и достигшаго до предѣловъ россійскаго государства, въ коемъ также стремясь сланое сіе нечестія море, неистово раз- литься, приразилось твердою камяю апостольскія непоколебимыя вѣры; гдѣ и обузданы были (конечно содѣйствующей Божіей ми- лости) его стремленія? „до сего дойдеши и не преидеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя“ <sup>2)</sup>.

Итакъ, подлежать здѣсь особенно вопросъ о соединеніи и обращеніи единоплеменныхъ намъ изъ нововведеннаго раздѣленія; въ которое или сами они, или отцы ихъ вовлечены будучи, отторгнулись отъ нѣдръ, исповѣдуемой праотцами ихъ, матери своей

---

<sup>1)</sup> Здѣсь почтенный сочинитель разумѣлъ безъ сомнѣнія Платона утверждавшаго, что тогда будутъ благополучны царства, когда или философы будутъ государями, или государи—философами.

<sup>2)</sup> Іова, глава XXXVIII, 11.

православной восточной церкви. Посему разрѣшеніе предложенія заключается въ семь единомъ: какимъ-бы образомъ возможно было возвратить ихъ мирно и безмятежно (что право евангельское и богоугодное есть дѣло), отъ ивимаго того соединенія, по которому у латиновъ названы они *соединенными* (штіі), къ первому и истинному единству неизмѣняемыя вѣры, въ коей-бы надлежало имъ и всегда пребыть и именоваться *неотдѣляемыми* (inseparabiles). Затрудненіе въ рѣшенія вопроса происходитъ отъ выбора приличныхъ и удобныхъ средствъ, къ совершенію желаемаго сего раздѣленныхъ приведенія въ прежнее съ своими братіями соединеніе. Почему со тщаніемъ и въ точности нужно прежде разсмотрѣть различные способы, которые доселѣ были употреблены, или надлежало ихъ употребить къ совершенію боголюбиваго того намѣренія, дабы избрать изъ оныхъ предъ прочими удобнѣйшій и къ предположенному концу дѣйствительнѣйшій.

Таковые способы суть слѣдующіе: первый есть насильственный, ивѣющій силу принуждать и нехотящихъ; второй производится посредствомъ какого-либо собора; третій чрезъ частныя съ обѣихъ сторонъ состязанія и словенренія; четвертый чрезъ напечатанія, или другимъ образомъ обнародованныя сочиненія, служація къ опроверженію и обличенію нецѣлостей нововведенія, подавшаго причину къ раздѣленію; пятый чрезъ избраніе достойныхъ пастырей и настыривачальниковъ къ церквамъ, отъ православія уклонившимся, и чрезъ опредѣленіе къ нимъ нарочито искусныхъ священниковъ, дѣяніями и живію оправдывающихъ ученіе свое; шестой чрезъ заведенія въ ихъ удѣлахъ для общей пользы разныхъ училищъ, которыя должны безпрепятственно быть отверсты и для дѣтей сихъ иновѣрныхъ, гдѣ-бы они руководимы были къ просвѣщенію разумными и свѣдущими наставниками; седьмой посредствомъ порядочнаго къ вѣрѣ наставлянія, сдѣлавъ къ тому заблаговременно надлежащее распоряженіе и чрезъ прямое и точное священныхъ догматовъ объясненіе, предлагая оныя просто и безъ дальнихъ тонкостей, дабы ученіе было соразмѣрно силѣ и понятію наставляемыхъ, а потому и съ пользою ихъ.

Изъ сихъ семи способовъ первый вовсе *несоизвѣстенъ*; второй

и третій, будучи уже многократно употреблены, оказались по самымъ опытамъ *недѣйствительны* и по большой части нагвренію *несоотвѣтственны*; четвертый, по нѣкоторымъ причинамъ, къ употребленію также неудобенъ и, слѣдовательно, *безполезенъ*; а притомъ намъ сей способъ, для хотящихъ и могущихъ онымъ пользоваться, уже преподанъ; то, посему, кажется, онъ и *излишенъ*. Прочіе три способа суть *дѣйствительны* и къ нагвренію *нужны*. Разсмотримъ-же оныя со тщательнымъ вниманіемъ, описавъ яснѣе каждый изъ нихъ въ особенности.

### Первый способъ.

Предпринимать, чрезъ принужденіе и насиліе, обращать неправовѣрнаго ко благочестію, или вообще иновѣрнаго склонять на мнѣніе ему противное, есть дѣло толь несправедливое и неразумное, что удивительно, какимъ образомъ нашлись, не говорю, изъ благочестивыхъ христіанъ, но и вообще изъ здравомыслящихъ людей, которые покушались оное производить. Сей способъ предположенному нагвренію вовсе не соотвѣтствуетъ, 1-ое яко незаконный, 2-ое яко недѣйствительный и 3-ое яко нагвренію совершенно противный.

Насиліе обыкновенно употребляетъ, яко надежныя къ совершенію своего нагвренія, средства: тяжкія озлобленія, сильныя укоренія, несносныя поношенія, страшныя угрозы, жестокія угнетенія, неправедныя порабощенія, изгнанія, узы, тѣлесныя наказанія и всѣ прочія многообразныя мученія, какія только звѣрское сердце изобрѣсть можетъ, когда раздражено бываетъ для того, что ему не повинуются, паче же когда воспламенено притомъ будетъ огнемъ неистоваго восторга или буйной и безразсудной ревности, возженной, по ложному его мнѣнію, священною вѣрою. Но вѣра, чрезъ такое насильственное принужденіе изъ непокоряющагося исторгаемая, не есть и не можетъ быть прямая и истинная, ниже Богу пріятная. Самъ Начальникъ и Совершитель вѣры не принуждаетъ насиліемъ вѣрующаго: онъ хочетъ, дабы сей былъ свободенъ, а не порабощенъ, создавъ его самопроизвольнымъ и *оставивъ въ рукахъ про-*

изволенія его: *аще хочешь, соблюдеши заповѣди и вѣру сотвориши благоволенія* <sup>1)</sup>).

Почему неоспорно, что насиліе и принужденіе, въ разсужденіи вѣры, есть дѣло *незаконное*.

Второе: вѣра сама по себѣ ничто иное есть, какъ самопроизвольное души покореніе и *произволеніе разсудительное*; а не преклонность принужденная, силою исторгаемая. Сіи два свойства, яко между собою несовмѣстныя и несоединяемыя, одно другое разрушаютъ: отними силою свободу произволенія, отнимешь вѣру; будетъ произволеніе непроизвольное, вѣра безъ вѣры или вѣруемое невѣріе: содѣлаешь вѣрнаго невѣрнымъ, то есть, преобразишь нечестиваго въ образъ благочестиваго, или произведешь только лицемѣра; почему насиліе, въ разсужденіи вѣры, *недѣйствительно*.

Третье: душа, какъ по природѣ, такъ и по собственному своему существу, отвращается наносимаго ей насилія; а потому раздражаема будучи угнетающимъ ее принужденіемъ вѣще противоборствуетъ „подобно какъ лоза, по словамъ Назіанзина <sup>2)</sup>), насильственною рукою преклоняемая и потою ошущенная, стремительнѣе воздвигается. Сего ради и законъ нашъ и Законодатель повелѣваетъ пасти стадо волю, а не принужденіемъ.“ Слѣдовательно насиліе, въ разсужденіи вѣры, не токмо не благоусибно, но еще оной и противно; препятствуетъ обращенію отъ иновѣрія и разрушаетъ ему противоположаемое. И ежели вообще всякое насиліе по существу своему недолговременно, не твердо и не постоянно; то сіе самое, въ разсужденіи вѣры, несравненно менѣе дѣйствуетъ, тѣмъ паче, что тотъ, кто противъ собственнаго произволенія другого къ вѣрѣ принуждаетъ, успѣха желаемаго отнюдь не получить. Посему, безъ сомнѣнія, заключаемъ, что первый изъ исчисленныхъ выше сего семи способовъ, а именно—насильственный, яко незаконный, есть вѣрѣ противный и Богу ненавистный; яко недействительный, а потому безразсудный—есть неприличны; яко предположенному намѣренію претивный и саморазрушающійся, вовсе невмѣстенъ.

<sup>1)</sup> Сираха, гл. XV, 14, 15.

<sup>2)</sup> Въ своемъ защитительномъ словѣ.

Странное и дерзкое сіе, въ разсужденіи вѣры, предпріятіе, на принужденіи и насиліи основанное, было съ самаго начала упражненіемъ однихъ только гонителей христіанства, но, къ великому сожалѣнію, такое нечестіе вкралось послѣ и въ самую христіанскую церковь. Въ IV-мъ столѣтіи оно употреблено было сперва въ Африкѣ противъ упорныхъ донатистовъ, послѣ продолжаемо противъ злочестивыхъ манихеевъ, наипаче съ IX по XI вѣкъ, противу испешшихъ изъ Азіи и разсѣявшихся по Европѣ подъ именемъ павликіанъ. Таковая безчеловѣчная жестокость, употребляемая въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, большею частію по однимъ видамъ и по различному образу мыслей и хотѣнію владычествующихъ, иногда возрастала и усиливалась, иногда уменьшалась и ослабѣвала, а наконецъ, не знаю какимъ случаемъ, проникла въ римскую церковь, гдѣ подъ предлогомъ назиранія о соблюденіи христіанскія вѣры, учреждено какъ бы священное вѣковое и богоугодное судилище, столько навлекшее гоненій и бѣдствій на самыхъ христіанъ и на иновѣрныхъ; столько причинившее кровопролитій, сколько, можетъ быть, никогда не произвели самыя жестокіе и лютыя христіанства враги и гонители. Съ XII-го вѣка, причиненныя разнымъ народамъ бѣдствія, такъ называемою священной инквизиціею (истязаніемъ), страшнымъ и отвратительнымъ онымъ судилищемъ, констинѣ представляютъ самыя печальныя зрѣлища. Въ началѣ XIII-го дерзостно нанесенныя, особенно грекамъ, злключенія за непокореніе ихъ нововведеніямъ западной церкви и папской власти, и именно въ Цареградѣ, когда латины, безъ предварительнаго объявленія войны (въ лѣто 1204 г.), наглымъ образомъ, по повелѣнію папы <sup>1)</sup>, оный городъ разорили; равно какъ и въ Кипрѣ, въ Солуни и другихъ греческихъ городахъ, кои они овладѣли, кажутся невѣроятными повѣствованіями, о коихъ сокращенно описываетъ Никита Хониатъ, бывший очевидный тому свидѣтель, а много и самъ тогда претерпѣвшій.

<sup>1)</sup> Прямого повелѣнія, какъ извѣстно, не было дано папою (Иннокентіемъ III) на взятіе и разрушеніе Константинополя крестоносцами; но оныя скоро примыслился съ этимъ фактомъ и санкціонировала основаніе латинской имперіи въ Константинополѣ.



Но восточная православная церковь всегда отвращалась и отвращается сихъ безразсудныхъ, беззаконныхъ и нечестія исполненныхъ злодѣяній; насиліе же и принужденіе предоставляетъ отдѣлившейся западной церкви, яко жребій, ей свойственный. На другихъ весьма различныхъ основаніяхъ утверждается таинственный нашъ Сіонъ. *Горы окрестъ его и Господь окрестъ людей своихъ отъ нынѣ и до вѣка* <sup>1)</sup>. *На семь Давидовомъ столпѣ, на Валнионѣ воздвигнутомъ, тысяща щитовъ виситъ, вся стрѣлы сильныхъ* <sup>2)</sup>.

Сими поистинѣ твердыми и побѣдоносными оружіями въ началѣ истинная христіанская вѣра и проповѣдана, и уставлена, и возвращена, и укрѣплена; — всегда борима, но никогда не борюшая, гонима, но не гонящая; утѣсняема, но неутѣсняющая; ими она превозможетъ и пребудетъ, господствуя до скончанія.

Но что не удобенъ первый сей насильственный способъ къ обращенію иновѣрныхъ, за излишнее почитаю болѣе о томъ предлагать. Сіе средство и самодержица наша отвергаетъ и крайне онаго отвращается. Великая сія и поистинѣ Богомъ намъ дарованная, въ нашемъ XVIII столѣтіи *Теодора* <sup>3)</sup>, несравненно превышающая царствовавшую въ IX-мъ столѣтіи въ Царѣградѣ, какъ пространствомъ владычества и силъ, высотою мудрости и разума, такъ и безпримѣрнымъ своимъ человеколюбіемъ и христіанскою кротостію, хотя крайне желаетъ и печется о утвержденіи и распространеніи между ея подданными православна вѣры, яко первѣйшаго и возделѣнѣйшаго блага; но, вѣдая совершенно, что не съ благимъ основаніемъ предприемлемое дѣло благоуспѣшнаго конца не имѣетъ; не токмо не позволяетъ никакихъ для достиженія сего своего желанія употреблять насилій, но о томъ даже и мыслить не соизволить, не такъ какъ упомянутая оная царица вотще и неблагоразумно предпринимала, которая, хотя во многомъ достойна похвалы, но, въ разсужденіи сего, оной не заслужила.

<sup>1)</sup> Псаломъ СХХІV, 2.

<sup>2)</sup> Пѣс. Псалей, гл. IV, 4.

<sup>3)</sup> Значить на греческомъ языкѣ Даръ Божій.

## Второй способъ.

Способъ *созывать соборъ*, дабы раздѣленіе уврачевать, или отступившихъ соединить, хотя самъ по себѣ кажется законнымъ и дѣйствительнымъ, но по разсмотрѣніи онаго въ точности найдется неудобнымъ и въ исполненіи—затруднительнымъ, а по нѣкоторымъ причинамъ и безуспѣшнымъ.

Соборъ бываетъ или всеобщій и полный, именуемый иначе *все-ленскимъ*, на который созываются съ обѣихъ сторонъ духовныя особы; или неполный и частный, такъ называемый *помѣстный*, яко составленный изъ знатнѣйшаго духовенства одной только церкви, безъ присутствія другой противоборствующей. Если принять въ разсужденіе первый, то созваніе такого прямо полного и всеобщаго собора, есть не токмо неудобно и трудно, но и совсѣмъ невозможно; невозможно же не въ *метафизическомъ* или *физическомъ* смыслѣ, но въ *нравственномъ* или иначе сказать въ *политическомъ*; да и дѣйствительно по настоящему гражданскихъ дѣлъ положенію, такого собора въ нынѣшнія времена созвать не можно по разнымъ непреодолимымъ препятствіямъ, о коихъ предлагать здѣсь я не намѣренъ, а могутъ о томъ обстоятельнѣе и справедливѣе судить упражняющіеся въ дѣлахъ гражданскихъ.

Если же принять въ разсужденіе второй, т. е. *помѣстный*, то оный, яко особенный и частный, сколь-бы многочисленъ ни былъ, ни мало къ исполненію предпріятаго намѣренія не послужитъ.

И если собора вселенскаго созвать неудобно, то въ *помѣстномъ*; хотя-бъ оный и созвать, не будетъ никакой пользы. Первый трудно и невозможно собрать, а второй, и будучи собранъ, ничего не успѣетъ. Ибо составляющіе его члены суть одного и того-же исповѣданія. Когда нѣтъ членовъ противной стороны, то что собору уже соглашать? Когда члены единомыслиемъ соединены, то что собору уже соединять? Когда приговоръ въ пользу однихъ и предосужденіе другихъ уже послѣдовалъ, то какое еще новое соборъ можетъ сдѣлать постановленіе?

Сверхъ сего, разногласія, подавшія поводъ къ раздѣленію, и нынѣ оное подкрѣпляющія, относятся не къ вышнему устрое-

нію одной какой-либо церковной области, но составляют главные и существенные догматы всего вообще христіанства, коего одна только часть, отдѣлившись и мнѣніе свое утвердивъ, не можетъ дать онаго другимъ въ законъ. Помѣстные соборы не токмо многократно созываются, смотря по надобности, но и самыя правила церковныя предписываютъ имѣть оныя дважды въ годъ. Но съ какимъ намѣреніемъ? Дабы судить только о нѣкоторыхъ особенныхъ дѣлахъ, относящихся къ одной церковной области, а не о догматахъ преестественной богословіи или несповѣдимаго Божія смотрѣнія; никакъ! Судить о томъ есть превыше ихъ сила. Изъяснить сіи догматы можетъ только слово Божіе, возвѣщающее намъ чрезъ священное откровеніе въ богодуховенныхъ писаніяхъ; толкованіе же и изложеніе писанія есть дѣло вообще всей церкви на вселенскихъ, Богомъ собираемыхъ, соборахъ. Отъ ненаблюденія въ точности предписанныхъ каждому правилъ происходитъ, что и помѣстный и вселенскій соборъ намѣренія своего не достигаютъ; ибо въ семъ олучаѣ и того и другого дѣла не будутъ наименованію соответствовать; впрочемъ сказанное здѣсь требуетъ объясненія.

Двѣ вещи при всякомъ соборѣ достойны вниманія и примѣчанія. *Первое*: самое дѣло, ради котораго соборъ созывается. *Второе*: расположеніе и пріуготовленіе мыслей, съ какими на соборъ собираются. Дѣло (какъ выше сказано) бываетъ или частное, касающееся одной какой-либо церковной области, или общее, относящееся до всего христіанства; равно и собирающіеся бываютъ или въ общемъ и безпристрастномъ расположеніи, когда *собраны они во имя Самого Господа, гдѣ по обѣщанію своему и Самъ Онъ посреда ихъ*; или въ особомъ и предубѣжденномъ; когда собираются они *въ собственное свое имя*; то есть съ твердымъ и непоколебимымъ намѣреніемъ установить свое собственное мнѣніе или предразсужденіе, гдѣ Господа, сердца и утробы испытующаго; нѣсть посреда ихъ, но далече отъ нихъ отстоять. Въ первомъ случаѣ, если помѣстный соборъ самъ по себѣ предпріиметь судить объ общемъ какомъ-либо дѣлѣ, то есть: установить догматъ, принадлежащій вообще до всей церкви, то чрезъ сіе ничего не сдѣлаетъ. А для чего? Для того, что таковое предпріятіе выше силъ

его. Въ такомъ случаѣ помѣстный соборъ, по самой справедливости, не будетъ уже помѣстнымъ; поелику выходить изъ предѣловъ права своего и чрезъ то преобразуется во вселенскій, какииъ онъ быть не можетъ; въ другомъ случаѣ, если бы соборъ объявленъ былъ и вселенскимъ, но буде имѣть твердое и непоколебимое намѣреніе остаться и послѣ при прежнемъ своемъ мѣстѣ, то никакой не можетъ принести пользы; для чего? для того, что такое предупреденное расположеніе не соотвѣтствуетъ тому намѣренію, для котораго вселенскіе соборы должны быть созываемы. Въ такомъ случаѣ сей соборъ не есть дѣйствительно вселенскій, поелику заключается въ предѣлахъ собственныхъ своихъ мѣстѣ, а чрезъ то превращается въ частный, яко своеправный и самопроизвольный. Первый желаетъ предпріять то, чего онъ исполнить не можетъ. Второй силится утвердить то, что хочетъ. Помѣстный похищаетъ власть вселенскаго; вселенскій скрываетъ въ себѣ мысли помѣстнаго; слѣдовательно и тотъ и другой въ самомъ дѣлѣ бывають не тѣмъ, что представляютъ. А потому и удивительно-ли, что оба, по большей части, остаются бесполезны и безуспѣшны? Истина разсужденія сего, утверждается опытами и примѣрами изъ исторіи. Какую принесли пользу и сколько къ исправленію церкви послужили бывшіе, послѣ раздѣленія, какъ помѣстные, такъ и вселенскіе соборы, начиная съ VIII по XV столѣтіе?

Павлинъ, епископъ аквидейскій (въ лѣто 791 или, по мнѣнію другихъ, 796), когда въ западныхъ странахъ нововведенное о происхожденіи Святаго Духа и *отъ Сына* ученіе начало приходить въ нарочитую силу, подвигнутый усердіемъ, созвалъ соборъ помѣстный противъ онаго прибавленія, которое за тридцать лѣтъ до того (767) гентиліанскимъ соборомъ такожде помѣстнымъ, дерзостно внесено въ самый символъ православныя вѣры <sup>1)</sup>. И, во

<sup>1)</sup> Concilium Gentiliacense, in Gentiliaco, имѣлъ мѣсто въ 767 г. на королевской мызѣ Жангиля близъ Парижа. Акты его не дошли до насъ; а изъ записей современниковъ и ближайшихъ по времени писателей (онъ собранъ у Вальха въ его Entwurf einer vollständigen Historie d. Kezereien. В... XIS. 9—12) видно только, что онъ собранъ былъ по поводу прибытія къ франкскому королю Пипину посольства отъ византийскаго императора Константина Копро-

первыхъ, чѣмъ окончился сей Гентиліанскій соборъ? Тѣмъ, что справедливо опроверженъ былъ форо-іуліанскій<sup>1)</sup>. Но и самый

нима и что на немъ были пренія между греческими послами и представителями франкской церкви о двухъ, бывшихъ тогда спорными между той и другой стороною вопросамъ: а) объ иконопочитаніи и б) объ исхожденіи св. Духа. Но каковъ былъ результатъ этихъ преній и былъ ли онъ облеченъ въ форму соборнаго опредѣленія, неизвѣстно. *Ред.*

<sup>1)</sup> Concilium Foro-Julianense (Фриульскій) былъ обыкновенный провинціальный соборъ, состоявшій исключительно изъ епископовъ метрополитскаго округа (провинціи) подъ предѣлательствомъ мѣстнаго метрополита. Онъ созванъ былъ въ 796 г. аквидейскимъ патріархомъ Павлиномъ in Foro-Julio, бывшемъ тогда каедральнымъ городомъ аквидейскаго патріарха. Кроме вопросовъ дисциплинарныхъ, представлявшихъ чисто-мѣстный интересъ, на немъ затронуто было и два догматическихъ вопроса: а) объ исхожденіи св. Духа и б) адопціанизмъ. Но первый изъ этихъ вопросовъ, по предложенію предѣлателя былъ рѣшенъ не только въ пользу ученія объ исхожденіи Св. Духа и *отъ Сына*, но и въ смыслѣ необходимости прибавленія этого слова къ ниже-цареградскому символу. Первое рѣшеніе мотивировано было тѣмъ же, чѣмъ было мотивировано аналогическое рѣшеніе на Толедскомъ соборѣ 589 г., т. е. необходимостью твердо и точно поставить принципъ полнаго и безусловнаго равенства Сына Божія съ Богомъ Отцемъ по существу (различіе состояло лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ рѣшеніе направлялось противъ арианъ, прямо отвергавшихъ равенство Сына со Отцемъ по существу, во второмъ противъ адопціанъ, отвергавшихъ это равенство косвенно посредствомъ ученія о томъ, что І. Христосъ только по божеству есть природный или естественный Сынъ Божій, а по человечеству только усвоенный [adoptivus]). Второе мотивировано было тѣмъ, что такъ какъ ученіе, заключающееся въ словѣ *filioque* необходимо для спасенія вѣрующему, то достойно и праведно внести это слово въ общепотребительный символъ, какъ догматъ, имѣющій такую же важность и обязательную силу, такъ и другіе догматы, заключающіеся въ символѣ. При чемъ предѣлately собора, а вслѣдъ за нимъ и всѣмъ членамъ казалось, что прибавленіе этого слова къ символу не будетъ нарушеніемъ 7-го правила ессесскаго собора, которымъ запрещалось *ἐτέρων κτίσιν μηδενὶ ἑξείναι προφέρειν, ἢ ἑαυτὸν συγγραφεῖν, ἢ συντίθεναι, παρὰ τὴν ὁρισθεῖσαν παρὰ τῶν ἁγίων πατέρων, τῶν ἐν τῇ Νικαίων συναθροῦντων πόλει, σὺν ἁγίῳ πνεύματι*, такъ какъ это слово ничего новаго въ символъ не приносить, а лишь раскрываетъ и разъясняетъ мысль, *implicite* заключающуюся въ словѣ *отъ Отца*. Въ оправданіе же прибавленія съ формальной точки зрѣнія указывали на примѣръ второго вселенскаго собора, который сдѣлалъ въ текстѣ Никейскаго символа вообще и 8 члена его въ частности еще болѣе значительныя прибавленія, которые однако жъ не считаются искаженіями символа (Mansi, t. XIII p. 863.). Такимъ образомъ на Фриульскомъ соборѣ 796 г. было принято рѣшеніе противоположное предполагаемому нашимъ авторомъ. *Ред.*

Форо-іуліанскій прямою ревностію къ истребленію нововведеннаго ученія побужденный, какой успѣхъ имѣлъ? Тотъ, что послѣ отринуть западными; и какъ бы того было еще недовольно, къ собственному ихъ посмѣянію или лучше къ сожалѣнію, бѣдственно ими искаженъ. Ибо, хотя соборъ сей и точно созванъ былъ для испроверженія нововведеннаго ученія, но западные предпринимали дать ему видъ тотъ, будто бы онъ созванъ былъ для утверженія собственно отъ себя постановленныхъ догматовъ и потому все узаконенное на ономъ, къ сожалѣнію, повредили, въ чемъ послѣ и изобличены совершенно. Поступимъ далѣе.

По прошествіи ста лѣтъ отъ реченнаго Аквилейскаго собора, въ исходѣ слѣдующаго IX столѣтія (въ лѣто 879) созванъ былъ соборъ въ Цареградѣ, при императорѣ Василіѣ и патріархѣ Фотіѣ, на которомъ присутствовали также и посланные отъ папы Іоанна VIII. Они согласно дѣянія соборныя подписали и пана оныя утвердилъ. Сему собору надлежало бы паче прочихъ быть сильну и погасить единожды навсегда возникшій разгорѣвшася нововведеннаго ученія пламень, яко собору вселенскому, яко единодушно въ постановленныхъ правилахъ согласному, и яко поистинѣ дѣйствовавшему безъ всякаго принужденія и насилія. Но сколько-жъ и сей соборъ успѣлъ? Нисколько. Римъ и другія западныя страны Европы оставались тверды при своихъ противныхъ мнѣніяхъ. Конечно не присутствовалъ и посреди сего собора начальникъ и совершитель вѣры Іисусъ. Іоаннъ, верховный первосвященникъ, признанъ безсильнымъ; посольство его и сдѣланное имъ дѣяній соборныхъ утвержденіе, объявлено тщетнымъ; папская, и по мнѣнію самихъ латиновъ, безгрѣшность названа вздоромъ; западныя ухищренія оказали болѣе силы въ защищеніи нововведеннаго ученія; послѣдовавшіе затѣмъ папы, безъ всякой справедливой причины, отвергли какъ утвержденіе предшественникомъ своимъ дѣяній соборныхъ, такъ и самый тотъ соборъ; а послѣдователи западной церкви и понтифъ, не взирая на неоспоримыя о бытіи сего собора засвидѣтельствованія, дерзають разными хитрыми способами представить оный сомнительнымъ и ничего не оставляють, чтобы

только доказать, еслибъ было можно, оный вымышленнымъ и вовсе никогда не существовавшимъ <sup>1)</sup>.

Въ XI столѣтїи (въ лѣто 1097) папа Урбанъ II. возмечтавъ быть единственною главою церкви, предпрїялъ самъ, по собственной своей власти, составить соборъ въ городѣ Бари, что въ Апуліи. Соборъ сей созванъ подъ предлогомъ приведенія къ единой вѣрѣ латинъ и грековъ <sup>2)</sup>. Видъ сего собора былъ тотъ, чтобъ

<sup>1)</sup> Сомнѣніе въ существованіи этого собора, впервые высказанное Бароніемъ (Annales. ad. an. 879, p. 73) и съ особенною настойчивостью повторенное и поддержанное Алляціемъ (De Ecclesiae Occident. et Orient. perpetua consensatione, l. II. c. 6. § 9. p. 591, и въ специальномъ изслѣдованіи De octava Synodo Photiana. Romae. 1662), основательно разобрано и опровергнуто Мартиномъ Ганкиемъ (De Byzantinorum regum Scriptoribus graecis. Pars I. c. 18. p. 379 sq.) Оно было основано на характерѣ актовъ этого собора, въ некоторыхъ частяхъ своихъ внушавшихъ и внушающихъ сомнѣніе не однимъ католическимъ ученымъ. Особенно сильны сомнѣнія въ точности греческаго перевода латинскихъ документовъ (Commonitorium—а, писемъ папы Іоанна VIII къ императору Василію Македонянину, Фотію и др.), внесенныхъ въ соборные акты. Трудно также допустить, чтобы папскіе легаты добровольно подписали опредѣленіе собора по вопросу о filioque (состоявшееся на 6 дополнительномъ засѣданіи собора) и заявленія о правахъ константинопольскаго патриаршаго престола (сдѣланныя на седьмомъ засѣданіи). Во всякомъ случаѣ въ томъ видѣ, въ какомъ дошли до насъ эти акты, они не могли рассчитывать на благосклонный приемъ ни со стороны папы, ни со стороны западныхъ церквей. Іоаннъ VIII, отправляя своихъ легатовъ на соборъ, обусловилъ свое согласіе на его опредѣленія точнымъ исполненіемъ данныхъ имъ легатамъ инструкцій; но потомъ, по возвращеніи ихъ убѣдившись въ отступленіи отъ этихъ инструкцій, взялъ оное назадъ.

*Red.*

<sup>2)</sup> Соборъ въ Бари (городъ въ Апуліи на берегу Адриатическаго моря) былъ собранъ папою Урбаномъ, въ октябрѣ 1098 г. Акты этого собора не сохранились. Свѣдѣнія объ немъ почерпнутся главнымъ образомъ изъ жизнеописанія Ансельма, архіепископа вентербургійскаго, составленнаго его ученикомъ и спутникомъ, монахомъ Эадмеромъ (*Eadmeri, de vita Anselmi*; обыкновенно печатается вмѣстѣ съ твореніями Ансельма; см. также его *Historia populum*), присутствовавшимъ вмѣстѣ съ нимъ на этомъ соборѣ. Изъ его разсказа однако жъ не видно, чтобы соборъ собранъ былъ специально съ цѣлю «привести къ единой вѣрѣ латинъ и грековъ», хотя вопросу объ исхожденіи Св. Духа, составлявшему главный пунктъ разногласія между ними, посвящено было почти два засѣданія съ соучастіемъ мѣстныхъ грековъ. Побѣда, по увѣренію разсказчика, осталась на сторонѣ латинянъ; и этой побѣдой они были исключительно обязаны Ансельму. Ансельмъ въ послѣдствіи свою аргументацію пополнилъ и обработалъ въ особый трактатъ *De processione Spiritus S. contra*

прекратить раздѣленіе; но способъ, чтобъ утвердить нововведенное ученіе, которое и подало причину къ раздѣленію. Такимъ образомъ соборъ сей, какъ сказали мы выше, былъ купно вселенскій и помѣстный; вселенскій по предложенію и объявленію Урбана; помѣстный, по предположенному имъ намѣренію. Что же сдѣлано и на семъ соборѣ? Не взирая на всѣ усилія велерѣчиваго Ансельма, епископа кантуарскаго (кэнтербурійскаго), ревностно несправедливое въ символѣ прибавленіе защищавшаго, и который, по словамъ апостольскимъ, *біа воздухъ*, не находилъ никого себѣ сопротивникомъ, ничего не вышло.

И въ самомъ Римѣ, въ Латеранѣ, въ началѣ XIII столѣтія (въ лѣто 1215) Иннокентій III, также для соединенія церквей <sup>1)</sup>, созвалъ многочисленный соборъ, совершенно отъ него зависѣвшій и власти его покорявшійся. Тысяча двѣсти восемьдесятъ три изъ латинскихъ духовныхъ особъ, въ томъ числѣ шестьсотъ семьдесятъ три епископа, присутствовали на семъ соборѣ, съ двумя патріархами—константинопольскимъ и іерусалимскимъ, кои хотя казались быть со стороны восточной церкви, но въ самомъ дѣлѣ слѣдо-

*Grassos liber.* Не мало занимался такъ же соборъ и личнымъ дѣломъ Ансельма именно его пререканіемъ съ англійскимъ королемъ Вильгельмомъ Рышвикъ изъ-за инвеституры.

*Ред.*

<sup>1)</sup> Въ рѣчи, произнесенной при открытіи собора, папа Иннокентій III указалъ двѣ цѣли его созванія: а) освобожденіе св. земли отъ ига неверныхъ и б) довершеніе начатаго имъ преобразованія церкви. Вопросъ о восточныхъ христіанахъ былъ затронутъ въ связи съ этими двумя главными цѣлями. Такъ какъ вслѣдствіе основанія латинской имперіи въ Константинополѣ была сформирована полная латинская іерархія въ занятыхъ латинянами странахъ и городахъ, такъ какъ многіе изъ представителей этой іерархіи лично присутствовали на соборѣ (напр. латинскіе патріархи Константинополя и Іерусалима) и такъ какъ наконецъ провѣтрюемая папою преобразованія должны были распространяться и на восточныя діоцезы: то необходимо было ввести въ кругъ разсужденій соборныхъ и восточныя дѣла. Причемъ въ виду прибрѣтеній, сдѣланныхъ католичествомъ на востокъ, было вполне естественно и папѣ и собору питать надежду, что приближается время для исполненія словъ Спасителя о единомъ пастырѣ и единомъ стадѣ. Но специально восточными христіанами соборъ занимался очень мало. Изъ 70 законовъ имъ посвящено лишь два,—именно 4, которымъ запрещается греко-уніатамъ перекрещивать своихъ дѣтей, крещенныхъ по латинскому обряду и 5, которымъ устанавливается порядокъ патріаршихъ престоловъ.

*Ред.*



вали мнѣніямъ латиновъ. Поистинѣ достойно было возрѣть на толь величественный соборъ! но какой же онъ былъ? Только помѣстный, ибо члены онаго были *устны единъ и гласъ единъ естъ*, и собраны не для того, чтобъ равсуждать о догматѣ, но чтобъ утвердить новосозданный вавилонскій столбъ. И потому какого надлежало ожидать плода отъ сего собора? Поистинѣ—никакого.

Безуспѣшность собора сего признали и сами латины (хотя нынѣшніе почитаютъ его за божественный и часто изъ дѣяній его берутъ противу насъ свои доказательства). Ибо, спустя немного послѣ того, и именно—въ лѣто 1233, при императорѣ Іоаннѣ Ватацѣ, когда Германъ, патріархъ константинопольскій, письменно приглашалъ напу римскаго Григорія IX, съ согласія обѣихъ церквей западной и восточной, созвать настоящій соборъ; то папа въ отвѣтъ своемъ о соборѣ латеранскомъ, за 18 лѣтъ предъ симъ бывшемъ, тогда ни мало не поминая, на сіе предложеніе, яко благое и справедливое, согласился, и вслѣдствіе того отправилъ нѣсколько доминикановъ и францискановъ своими послами; и назначенный соборъ собранъ въ городѣ Нимфѣ, что въ Виеннѣ. Но какое и сей соборъ сдѣлалъ исправленіе? Умножилъ лишь только пламя разногласія и паче подвигъ сердца къ раздѣленію.

Но что же предуслѣлъ и бывший въ Лугдунѣ (Лионѣ), по прошествіи 40 лѣтъ, второй соборъ въ царствованіе Михаила Палеолога и папы Григорія X-го (въ лѣто 1274), незаконно, но-истинѣ, и уничтожительно соединеніемъ церквей торговавшихъ; гдѣ видимъ мы императора, восточную церковь для спасенія отъ угрожающей государству его опасности продающаго, напу же, на обѣщаніи союза и помощи,—оную покупающаго? Никакой дѣйствительно не было пользы и послѣ сей лугдунской церковной торговли, кромѣ нанесенныхъ обоими сими промышленниками горестныхъ бѣдствій и великихъ гоненій несчастнымъ грекамъ, непоколебимо оставшимся при своихъ догматахъ.

Немного послѣ того и именно при императорѣ Андроникѣ II-мъ (въ лѣто 1285) созванъ былъ въ Цареградѣ соборъ (который можно назвать междуособною брашью) противу Векка съ его послѣ-

дователями, которые словесно и письменно защищали вновь введенное латинами учение.

Предсѣдателями на соборѣ семь и купно поборниками были патриархи константинопольскій Григорій и александрійскій Афанасій. Главный же предметъ состоялъ не въ томъ, чтобъ убѣдить латинцевъ пережънить свое мнѣнiе, но чтобъ грековъ съ Веккомъ учителемъ ихъ уклонившихся въ пововведенное латинами учение возвратитъ въ объятiя матери своей, православной восточной церкви. Но непостоянный и пережънчивый Веккъ, послѣдуя сперва исповѣданiю греческому, потомъ латинскому, послѣ паки греческому, остался наконецъ всегда Веккомъ неисправленнымъ, равно какъ и глупые его послѣдователи.

На послѣдокъ возмогъ ли что исправить бывшiй при Іоаннѣ Палеологѣ и папѣ Евгеніѣ IV-мъ (въ лѣто 1438) вселенскій оный и по имени своему огромный Ферраро-Флорентійскій соборъ? Сей, при открытiи своемъ, удивилъ весь свѣтъ, который ожидалъ отъ него, что раздѣленiе церквей уже совершенно прекратится, но въ сей дестной надеждѣ обманулся. Цѣлые почти два года протекли въ изслѣдованiи двухъ, или лучше сказать, одного вопроса. Все сіе время употреблено было частію на путешествiя, частію на приготовленiя на взаимныя свиданiя, на пустыя посѣщенiя, на различныя и бесполезныя совѣтованiя, на хитрыя выдумки и на взаимныя жалобы и обвиненiя. Бѣдствiе и угнетенiе вовлекли въ заблужденiе многихъ грековъ, а несчастныя ихъ обстоятельства и угрожающая государству опасность и еще болѣе; однихъ поразилъ страхъ, другихъ обольстила надежда; благочестіе же нашло только малое число непоколебимыхъ, но время показало, что изъ сихъ отступившихъ совѣстнѣйшіе пришли въ раскаянiе. Итакъ въ двадцати пяти, на удивительномъ семь соборѣ, засѣданiяхъ присутствовали только тѣломъ, а не духомъ. Собравшіеся не были собраны во имя самого Господа. Одна сторона усиленъ и своенравіемъ одержала верхъ надъ другою; а сія раздѣлилась на части, изъ коихъ каждая приняла противныя мнѣнiя; частный раздоръ послужилъ къ испроверженiю собора, вмѣсто того, чтобъ собору отвратитъ раздоръ. Наконецъ — самъ папа Евгеній, видя, что ефесскій митрополитъ Маркъ и другіе знатнѣйшіе изъ

присутствовавшихъ не хотѣли подписать несправедливыхъ соборныхъ постановленій, не могъ не признать безуспѣшности сего собора и не возгласить съ прискорбіемъ Эврипидова изрѣченія: желаемое нами не исполнилось и наконецъ сказалъ: *Nihil effecimus* (мы ничего не сдѣлали).

Въ послѣдствіи времени, вскорѣ послѣ Флорентійскаго сего собора, въ царствованіе того же Палеолога, въ безразсудномъ онаго созваніи обманувшагося, собранъ былъ (въ лѣто 1443) восточными другой соборъ въ Іерусалимѣ, на которомъ отринуты прежде бывшія флорентійскія постановленія; немного же спустя созванъ былъ и еще соборъ въ Царградѣ (въ лѣто 1450), въ царствованіе Константина, воспріявшаго послѣ брата своего Іоанна скипетръ несчастнаго государства, соборъ, на которомъ тѣже самыя флорентійскія постановленія, яко ложныя, отринуты и самый соборъ признанъ имени собора недостойнымъ.

Такимъ-то успѣхомъ сопровождалось предприемлемое въ разныя времена на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ стараніе прекратить раздѣленіе въ вѣрѣ чрезъ соединеніе и примиреніе церквей! Почему изъ краткаго сего историческаго обозрѣнія, по всей справедливости, ничего не можемъ мы заключить, какъ только, что и въ наши времена отъ созванія подобныхъ (если бы то было возможно) соборовъ равныхъ слѣдствій ожидать надлежить, судя по человѣчески, и предузнавая будущее по соображенію онаго съ прошедшимъ. „Что было, тожде есть, еже будетъ, и что было сотворенное, тожде имать сотворитися“<sup>1)</sup>.

### Третій способъ.

Если предприемлемое соборомъ вожделеннѣйшее оно соединеніе оказывается, по вышереченному, бесполезнымъ и тщетнымъ: то иной можетъ быть помыслить, что изустныя съ иновѣрными пренія и личныя состязанія съ уклонившимися въ нововведенное раздѣленіе могутъ быть гораздо успѣшнѣе; то есть: когда каждая сторона означаетъ отъ себя двухъ или болѣе для состязанія между собою о

<sup>1)</sup> Екклесіаста, гл. 1, 9.

догматъ, подлежащемъ сомнѣнію, или чрезъ взаимныя вопросы и отвѣты образомъ *разлаолюственнымъ*, или, какъ говорятъ, Сократовымъ; или чрезъ сораазсужденія, способомъ, какъ говорятъ, Аристотелевымъ; пока одна сторона, одержавъ надъ другою верхъ, не изблнчнтъ жи и не дастъ восторжествовать истинѣ; что самое бываетъ еще и такъ: когда, кто, вступя съ иновѣрнымъ въ разговоры, старается сильными и убѣдительными доводами извлечь его изъ заблужденія, въ которомъ онъ находится. Но таковыя прѣнія, по мнѣнію моему, во многихъ случаяхъ суетны, и не токмо не воспользуютъ, но иногда и вредъ причинить могутъ; поелику, естественно, возбуждаютъ спорящихся на гнѣвъ, и раздражая одну или объ разномыслящія стороны, вмѣсто соединенія, паче ихъ другъ отъ друга отлучаютъ и между собою раздѣляютъ.

Человѣкъ по природѣ своей гордъ. Онъ въ таковыхъ прѣніяхъ желаетъ больше показать свой разумъ и потому отъ излишняго нелѣзнаго самолюбія усиливается болѣе спискать уваженіе своей остротѣ, своимъ способностямъ и дарованіямъ, нежели утвердить истину предложеннаго на разсужденіе предмета. Мы, яко человекн, безъ затрудненія признаемъ, что воля наша, будучи многообразно страстями порабощена, удобопреклонна ко всему худому. Но съ трудомъ можемъ на то согласиться, что нашъ умъ ослѣвленъ невѣжествомъ и безразсудностью.

Изъ чего слѣдуетъ, что если выйдетъ на прѣніе человекъ малоумный и несвѣдующій, то такового труднѣе склонить, нежели разумнаго и знающаго; и когда случится изъ противоборствующихъ одинъ таковой, то состязаніе напоследокъ, хотя и безъ успѣха, но оканчивается; поелику одинъ умолкнетъ, а другой между тѣмъ далѣе будетъ споръ свой продолжать и наконецъ, яко побѣдитель, безразсудно восторжествуетъ. Если же, по несчастію, оба спорящіе будутъ таковы, то прѣніе продолжится до безконечности безъ всякаго успѣха.

Сверхъ сего очень трудно найти, чтобы состязующіеся оба были равны; столь же, то есть учены, столь же твердую имѣющіе память и способность ко израженію своихъ мыслей, столь же, по встрѣчающимся надобностямъ, смѣлы, и къ возраженію равно-

сильны. А отъ сего послѣдовать можетъ, что защищающій неправое мнѣніе покажется весьма свѣдующимъ, напротивъ же поборникъ истиннаго—малознающимъ; и потому мнѣніе, которому болѣе должно отдать справедливости, много потеряетъ своей силы и колеблется, а наипаче, когда будутъ слушатели самые простые и непросвѣщенные, коихъ число всегда бываетъ болѣе; не упоминая уже о дерзкихъ и въ своихъ мнѣніяхъ предубѣжденныхъ, которые только поставляютъ себѣ закономъ, что согласуетъ съ ихъ предразсудками. Отсюда и заключаемъ, что производимое для соединенія иновѣрныхъ рѣшеніе очень мало или и совсѣмъ никакой не приноситъ пользы, а напротивъ можетъ причинить еще и вредъ великій, утверждая наиболѣе каждую сторону въ собственномъ мнѣніи, и питая разногласіе и другія отъ раздора притекающія странныя слѣдствія. Съ другой стороны за неприличное признаю, преественные божественной и благочестивой христіанской вѣры догматы подвергать, безъ важнѣйшихъ причинъ, общенароднымъ спорамъ, на подобіе академическихъ рѣшеній; поелику пустыя въ таковыхъ случаяхъ возраженія, и производимыя посредствомъ умствительнаго порядка слабыя и боязливымъ человѣческимъ умомъ разглагольствія, пользы приносятъ очень мало, а напротивъ, вѣрующихъ приводя въ соблазнъ, производятъ въ душахъ ихъ смятеніе.

Но возьмемъ не такъ строго: положимъ, что сей пренрѣтельный способъ можетъ послѣствовать соединенію отдѣлившихся отъ насъ братій; положимъ, что открылись состязанія о разногласіяхъ, производшихъ раздѣленіе; что вступили съ обѣихъ сторонъ въ разсужденіе мужи преученѣйшіе, краснорѣчивѣйшіе и богословской высоты достигшіе; что объяснили, сколько имъ было возможно, принять ли или не принять предложенный на разсмотрѣніе догматъ? Кого же учредимъ надъ ними судію? Кого поставимъ верховнымъ и самовластнымъ приговора рѣшителемъ? Ему надлежитъ быть единому; мы такого единого никого не вѣдаемъ, ниже пріемлемъ. Наша церковь имѣетъ единую только Главу, единого вѣры начальника и законоположителя Господа нашего Иисуса Христа. Она другой главы въ одной особѣ на землѣ и не признаетъ, такъ какъ и самое царство ея нѣсть отъ міра сего. Если-же положить судіями

многихъ, то сей третій—приводить къ соединенію чрезъ составаніе—способъ превратится во второй тоже посредствомъ собора, коего безполезность и неуспѣшность предъ симъ доказаны.

Неоспоримо, что благопристойное, порядочное, и по принятымъ церковію правиламъ, въ присутствіи духовныхъ особъ, производимое состязаніе есть вещь потребная и нужная при всякомъ соборѣ, коего и признается оно существенною частію. Ибо, какъ на вселенскихъ, такъ и помѣстныхъ соборахъ производятся разныя сразсужденія и прѣвія; въ сихъ соборахъ съ обѣихъ сторонъ избранные и особо для того назначенные дѣлаютъ многократныя другъ другу противоположенія, изслѣдываютъ, и въ подробности предложенное рассматриваютъ, прочіе же сперва слушаютъ, а послѣ тѣ, которымъ слѣдуетъ, дѣлаютъ заключеніе и рѣшаютъ. Но по многократнымъ опытамъ оказались также недѣйствительными къ соединенію разномыслящихъ, какъ производимое симъ образомъ состязаніе, такъ и самый соборъ, гдѣ оно нужно. Представимъ мы на сіе, какъ и прежде о соборахъ, примѣры изъ исторіи.

На Флорентинскомъ ономъ соборѣ, въ VI и VII засѣданіяхъ, родосскій епископъ Андрей и кардиналъ Іуліанъ Кесаринъ (Чезарини), сіи два латвійскіе подвижники и ноборивки силятся доказать (удивительное, превыше естественное и совершенно непонятное предложеніе), что *прибавленіе въ Символъ, не есть прибавленіе*. Въ послѣдовавшихъ засѣданіяхъ VIII и IX, епископъ никейскій Виссаріонъ, почитая за нужное изобличить кардинала и родосскаго епископа, предприимлетъ доказывать, что *прибавленіе въ Символъ, есть дѣйствительное прибавленіе*. Въ X, XI и XII засѣданіяхъ выступаетъ на средину епископъ форо-іуліанскій, и кардиналъ наки начинаетъ настоять въ прежнемъ своемъ мнѣніи, говоря: что *прибавленіе не прибавлено*. Но съ противной стороны встрѣчаетъ ихъ ефесскій митрополитъ Маркъ и доказываетъ, что *прибавленное дѣйствительно прибавлено*. XIII и XIV засѣданія препровождены въ учтивостяхъ (сегемоніис), по случаю приѣма прибывшихъ на соборъ отъ герцога бургундскаго пословъ; а въ XV тотъ же самый ефесскій митрополитъ наки торжествуетъ надъ кардиналомъ, принуждая его молчать, который и въ самомъ дѣлѣ ни-

чего другого не могъ ему отвѣтствовать, какъ только: „да изслѣдуется, отче, да изслѣдуется; и ежели рѣчь и *отъ Сына* найдется богохульною, то, да не прибавится въ символъ и, да не останется ни гдѣ. Ибо словъ богохульныхъ отнюдь употреблять не должно; но если рѣчь сія окажется благочестивою, то вездѣ оную употреблять можно, а въ символъ и весьма нужно“<sup>1)</sup>.

Въ XVI засѣданіи опредѣлено, по причинѣ случившейся въ Феррарѣ заразительной болѣзни, соборъ перенести во Флоренцію, гдѣ въ XVII не происходило никакого состязанія, кромя однихъ привѣтствій и личныхъ между императоромъ Іоанномъ и кардиналомъ Іуліаномъ совѣтовъ и разговоровъ; при которомъ случай кардиналь усиленно просилъ государя предоставить будущему времени изслѣдованіе о прибавленіи въ символъ, а приступить къ разсмотрѣнію самаго догмата, по мнѣнію однихъ *прибавленнаго*, по мнѣнію же другихъ *неприбавленнаго*, и именно: *прибавленный, или неприбавленный догматъ, самъ по себѣ справедливъ или несправедливъ?*

Чѣмъ весь оный, столько шуму надѣлавшій, споръ о прибавленіи, не получивъ конца, пріялъ конецъ. Но кончилось ли самое прибавленіе? Никакъ; оно осталось и понынѣ, какъ было прежде, у прибавившихъ безприбавочно, и послѣ многихъ сихъ состязаній, подтверждено кардинальскимъ онымъ словомъ, которое не знаю я какъ почестъ; самовластнымъ ли повелѣніемъ или учтивымъ только отзывомъ, *да изслѣдуется отче, да изслѣдуется...*

Наконецъ съ XVIII-го по XXIV-е засѣданіе съ великимъ жаромъ и рвеніемъ продолжалось о семъ догматѣ словопреніе. Со стороны западныхъ, Іоаннъ Черногорскій (*de monte nigro*) соплеталъ длинныя и обширныя умствованія, а съ другой знаменитый Маркъ оный искусно расторгалъ, яко паутину. Но какую пользу принесли сіи состязанія? Ту, какъ говорятъ вообще: *не убьдиши, хотя и побьдиши*. И потому сіе засѣданіе тѣмъ же кончилось, какъ и вышесказанное о прибавленіи.

Реченный епископъ Іоаннъ не хотѣлъ умолкнуть; ефесскій ми-

<sup>1)</sup> См. Дьяв. Собор. Гардуана, т. IX, стр. 169.

трополитъ Маркъ не разсудилъ за благо ему отвѣтствовать, хотя и довольно былъ въ состояніи; а императоръ, имѣя свои виды, почиталъ невыгоднымъ дальнѣйшее сихъ неокончательныхъ и бесполезныхъ споровъ продолженіе, и для того запретилъ ефесскому митрополиту впродъ самому лично на соборѣ присутствовать и, призывая излишнимъ всякое защищеніе предъ тѣми, кои не хотятъ онаго слушать, сказалъ къ сидящимъ со стороны противной: „что хотите, то и говорите... мы никакого отвѣта давать вамъ не будемъ“<sup>1)</sup>. О, во истину излишнія, бесполезныя и совершенно безплодныя распри! И удивительно ли, что толь обширныя и продолжительныя на соборѣ семь бывшія состязанія никакой не принесли пользы? Цѣлый годъ протекъ въ спорѣ объ одномъ токмо Василия Великаго изреченіи, которое состязующіеся, разбирая, не могли согласиться, чтобъ дать оному одинаковый смыслъ; равно какъ и на бывшемъ въ цареградѣ (въ лѣто 1285) соборѣ, о которомъ выше упомянуто, Веккъ и патриархъ Григорій не могли никакъ согласиться въ толкованіи одного выраженія Іоанна Дамаскина, который въ Богословіи своей написалъ: *что Отецъ есть Производителъ изъяснительнаго Духа чрезъ Сына.*

Столько то сильны были и на самыхъ вселенскихъ соборахъ состязанія, и толикой принесли плодъ! Но какія же и сколь велики произведены были пренія въ другихъ соборахъ не столько извѣстныхъ и примѣчанія достойныхъ, или въ однихъ частныхъ со-разсужденіяхъ и прекословіяхъ? И въ семь случаевъ имѣемъ мы многіе ясныя примѣры бесполезнаго такого разглагольствія.

Петръ Хрисоланъ (въ лѣто 1110) отправленъ былъ папою Пасхалиемъ къ Алексѣю Комнину съ тѣмъ, чтобъ сдѣлалъ съ императоромъ особенный переговоры склонить его къ соединенію, такому именно, какого папа желалъ и надѣялся. Переговоръ съ императоромъ произведенъ, но соединенія не послѣдовало.

Ансальмъ Абелбергенскій (Габельсбергскій), епископъ бранденбургскій, посланъ былъ (въ лѣто 1142) германскимъ императо-

<sup>1)</sup> Гардуана, т. IX, стр. 312.



рожь Лотаремъ ко Іоанну Комнину съ тѣмъ же, но переговоры и въ семь случаевъ остался равно безуспѣшнымъ.

Угонъ Евріанъ (Гуго Этеріанъ) (въ лѣто 1177) посланъ былъ сперва папою Александромъ III-мъ къ императору Мануилу; потомъ (въ лѣто 1254) папою Александромъ IV-мъ, въ лицѣ посла <sup>1)</sup> за тѣмъ же самымъ дѣломъ, надѣясь непремѣнно получить успѣхъ: ибо папа наконецъ соглашался, чтобъ восточные кѣли въ своихъ церквахъ символъ и безъ прибавленія; но только, чтобы въ сердцѣ единомысленно съ латинами исповѣдовали, что Святой Духъ исходитъ отъ Отца и Сына. Истина вѣры не терпитъ такихъ ухищреній. Восточная церковь никогда не позволила бы западной предпринять что-нибудь сему подобное: то есть, чтобы западные воспѣвали всенародно, что *Святой Духъ исходитъ отъ Отца и Сына*, а внутренно вѣрили бы, что токмо отъ *Единого Отца*. На предложеніе сіе легко можно бы было согласиться и грекамъ, если бы они также хотѣли притворствоваться и играть таинствами вѣры. Но латинь, не взирая на то, ласкались, что такое отъ папы сдѣланное снисхожденіе принесетъ, по крайней мѣрѣ, имъ ту выгоду, что греки не будутъ впредь уже болѣе откровенно ихъ изобличать въ дерзновенномъ введеніи сего новаго ученія.

Посмѣянiя достойное сіе Александра IV-го предпріятіе основывалось, какъ кажется, на злоумышленіи предшественника его папы Льва III-го, почти за четыреста лѣтъ, который послѣ продолжительныхъ и тщетныхъ его съ прибывшими къ нему отъ Аквисгранскаго (Аахенскаго) собора послами (въ лѣто 809), словопрѣній, не объявивъ по надлежному на предложенія ихъ ни своего согла-

---

<sup>1)</sup> Здѣсь что-то не ладно. Гуго Этеріанъ, бывший посломъ папы Александра III къ императору Мануилу Комнину въ 1177 г., не могъ быть посломъ Александра IV въ 1254 г., такъ какъ между этими двумя годами прошло 77 лѣтъ. Послами Александра IV къ никейскому императору Іоанну Духъ Ватацесу въ 1254 г., были два францисканскихъ монаха. Или авторъ слишкомъ понадѣялся на свою память и не сдѣлалъ точной справки, или переводчикъ далъ неточный переводъ этого мѣста въ подлинникѣ. А такъ какъ ниже авторъ повторяетъ свое заявленіе о вторичномъ посольствѣ Гуго Этеріана папою Александромъ IV, то приходится остановиться на первомъ предположеніи.

сія, ни противорѣчія, приказалъ написать на серебряныхъ доскахъ, утвержденный никейскимъ соборомъ, въ Символѣ догматъ, а именно, *что Святый Духъ исходитъ токмо отъ Отца*; но въ сердцѣ своемъ содержалъ нововведенное ученіе—и отъ Сына. И такъ иное имѣлъ на сердце, другое на языкѣ. Однако жъ сіе папы Александра IV-го ухищреніе, равно какъ и Льва III-го прежнее злоумышленіе <sup>1)</sup>, къ обольщенію грековъ употребленныя, ничего не успѣли. Ибо вѣру православную не сильны никакія коварства уклонить отъ догматовъ, на коихъ она утверждена. Истинная церковь не дѣлаетъ ухищреній и притворствъ. А благочестивый и православный христіанинъ, что въ сердцѣ своемъ имѣетъ, то и устами исповѣдуетъ. *Сердцемъ бо вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе* <sup>2)</sup>).

Изъ всего вышереченнаго и по разуму и по опытамъ удостоверяется, что предпріемлемыя, какъ на соборахъ, такъ и частно, состязанія не довольны къ соединенію отдѣлившихся отъ насъ братій нашихъ. Сей былъ третій способъ. Приступимъ къ четвертому.

#### Четвертый способъ.

Сей способъ состоитъ въ изданіи нарочныхъ для сего сочиненій, обнародованіе и чтеніе коихъ, можетъ быть, воспользуетъ уклонившихся въ раздѣленіе, отверзая уиственныя ихъ очи и показывая имъ заблужденіе въ отдаленіи отъ матери ихъ православной Церкви, отъ вѣдръ коея они отторгнулись.

Въ сихъ сочиненіяхъ надлежало бы ясно и подробно описывать состояніе Церкви и ея успѣхи, показывая совершеніе преобразованныхъ по самому оныхъ исполненію и предлагая ученіе догматовъ, со временъ апостольскихъ до тѣхъ поръ, какъ начали по малу вкрадываться пововведенія и сѣятель плеводъ сталъ разсѣвать первыя сѣмена раздѣленія. Въ сочиненіяхъ сихъ подлежало бы представить главныя и существенныя разногласія, споспѣшество-

<sup>1)</sup> Ниже авторъ даетъ другое объясненіе поведенію Льва III въ этомъ дѣлѣ; но оба объясненія проблематичны. Ред.

<sup>2)</sup> Къ Римл. гл. X, 10.

вавшія раздѣленію западныхъ съ восточными и расторженію прежняго между обѣими церквами согласія и единства, показывая, когда, отъ чего и кѣмъ начались оныя разногласія? Какими способами произведены, укоренены, возвращены и сколь пагубные принесли плоды? Какія предпріемлемы бывають съ обѣихъ сторонъ средства и доказательства, какъ для утвержденія и показанія собственнаго своего мнѣнія истиннымъ, такъ для изобличенія и опроверженія противнаго, яко ложнаго и недѣлаго? На чемъ основываются сіи доказательства, какія и сколь тверды ихъ основанія? И кто наконецъ всѣхъ сихъ основаній верховный судія, испытатель, первый законоположитель, могущій постановить справедливыя предѣлы, опредѣленію и рѣшенію коего благочестивый христіанинъ обязанъ покорить свои умствованія, соображать съ нимъ свои мысли, и согласно тому назидать и утверждать послушаніе своея вѣры.

Способъ, посредствомъ таковыхъ сочиненій, хотя и ничего не содержитъ въ себѣ такого, чтобъ не было достойно похвалы и принятія, и что не обѣщало бы пользы и желаемаго плода. Но если разсмотрѣть оный съ довольномъ вниманіемъ, то увидимъ, что и сей съ упомянутыми непосредственно двумя способами имѣеть нѣчто общее и нѣчто также особенное. Общее то, что если въ таковыхъ сочиненіяхъ историческое о Церкви повѣствованіе отдѣлится; то остатокъ будетъ только содержать изъясненіе однихъ разногласій съ противоположеніями и защищеніями; что самое есть нѣкоторый родъ состязанія, употребляемаго, или на соборахъ вселенскихъ, какъ сказано въ способѣ второмъ, или на помѣстныхъ, какъ означено въ третьемъ. Особенно же то, что въ прежнихъ двухъ способахъ состязаніе производится изустно и живымъ голосомъ, а здѣсь чрезъ писаніе и чтеніе. Къ чему присовокупить должно еще и то, что на соборахъ и личныхъ состязаніяхъ слушающихъ и судящихъ бываетъ болѣе или менѣе, по количеству собравшихъ.

Но здѣсь одинъ токмо читатель бываетъ и слушателемъ и судіею, по силѣ своего разума, по его произволію или предразсужденію. Итакъ, по всей справедливости, можно, кажется, сказать, что сіи три способа находятся совокупно въ описаніяхъ

Дѣяній соборныхъ, если оныя вѣрно и точно для удовольствія любопытныхъ въ свѣтъ издаются. Почему безпогрѣшительно можно заключить, что сей четвертый чрезъ изданіе сочиненій способъ уже готовъ, если только можно отъ него для соединенія отдѣленныхъ ожидать какой пользы. Но мы уже сначала сказали, что и оный, по нѣкоторымъ причинамъ бываетъ 1-е неудобенъ, 2-е бесполезенъ и 3-е излишенъ, и уповаемъ, что сказанное нами справедливо.

1-е неудобенъ для того, что если отпадшій отъ правовѣрія, коего стараемся мы къ оному возвратить, отвергая умственные очи его чтеніемъ такихъ сочиненій, гдѣ представляется его заблужденіе, будетъ человекъ простой, изъ черни и невѣжда (каковыхъ число всегда бываетъ болѣе), то ему такое чтеніе тѣмъ покажется труднѣе, чѣмъ невѣжество его сильнѣе. Для него все равно была ли бы книга написана или не была. Непремѣнно нужно дать ему переводчика или толкователя, какъ и самъ апостоль, пригвѣся къ колесницѣ муринскія царицы евнуха, сказалъ ему: *разумѣши ли, яже чтеши* <sup>1)</sup>. Если же читатель нашъ будетъ человекъ свѣдущій и въ силахъ самъ разумѣть сочиненіе, то и здѣсь встрѣтятся новыя затрудненія, разрушающія пользу отъ чтенія, произойти могущую; ибо если сей свѣдущій читатель будетъ имѣть о догматѣ, давно уже имъ содержимомъ; мысли предубѣжденныя; то такого сочиненія и въ руки взять не захочетъ; а если и вздумаетъ изъ любопытства иногда оное прочесть, то читаетъ съ небреженіемъ, и не находя въ немъ, по причинѣ своего невниманія, того убѣжденія, какого бы ему хотѣлось, недостатокъ своего разума приписываетъ тому, будто сочиненіе неосновательно; если же будетъ обладаемъ гордостію, то едѣляется при семъ случаѣ наглѣмъ, и негодуя, что не находитъ въ сочиненіи, по своему предразсудку, изъясненій, остается болѣе въ прежнемъ своемъ мнѣніи, послѣ такого чтенія, утвержденнымъ.

Впрочемъ сей чрезъ изданіе сочиненій способъ, коего неудобность довольно ощутительна, есть при томъ, какъ сказано, 2-е и бесполезенъ; что, безъ многихъ предварительныхъ разсужденій и

<sup>1)</sup> Дѣян. гл. III, 31.

доказательствъ, легко заключить изъ вышереченнаго: ибо, если показанные два способа, то есть, посредствомъ соборовъ и личныхъ состязаній обращать иновѣрныхъ, нашлись, по многократнымъ опытамъ, недѣйствительны и безуспѣшны, не взирая на всѣ при оныхъ рвенія и подвиги, кои бы долженствовали имѣть желаемый успѣхъ, яко производимыя живымъ голосомъ, и въ слухъ многихъ присутствующихъ; яко имѣющія непосредственно великую удобность для взаимныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, для приведенія съ обѣихъ сторонъ доказательствъ, для истолкованія и разрѣшенія встрѣчающихся недоумѣнй, для развязки, буде бы на то же самое предложеніе стали настоять, затрудненій, для исправленія погрѣшностей, или въ забвеніи остающихся, или умышленно терпимыхъ. Если, повторяю, оныя два способа оказались недѣйтельны и бесплодны, то можно ли надѣяться, чтобъ слово письменное и мертвое, въ сочиненіи находящееся, могло воспользоваться въ раздѣленіе уклонившагося, или противная дерзновенно мудрствующаго, или въ мысляхъ колеблющагося, и не твердо разсуждающаго, или по предубѣжденію спорящаго читателя, коего желаемъ къ единой съ нами вѣрѣ и общенію обратить? Какимъ образомъ сей способъ, будучи въ самомъ дѣлѣ прочихъ недостаточнѣе и недѣйствительнѣе, можетъ быть преимущественнѣе и успѣшнѣе?

Но сей способъ есть еще 3-е и *излишенъ*. Почему? Потому что онъ, какъ выше сказано, уже готовъ, и такого рода сочиненія вновь ненужны. Ибо должны онѣ утверждаться на богодуховенныхъ святыхъ Писаніяхъ, на вселенскихъ богособорныхъ священныхъ соборахъ, на богоглаголивыхъ отцахъ Церкви. Но мы имѣемъ и богодуховенныя писанія, и дѣянія соборовъ, и книги святыхъ отцевъ; слѣдовательно въ другихъ новѣйшихъ, къ достиженію предлежащаго намѣренія, твореніяхъ никакой надобности не настоятъ. Но вы, можетъ быть, скажете, что въ сихъ новыхъ сочиненіяхъ должно порядкомъ и сокращенно помѣстить всѣ оныхъ ученія, не оставляя ничего къ предлежащему предмету относящагося, съ предлагаемыми съ одной стороны возраженіями, а съ другой приводимыми на то справедливыми отвѣтами и твердыми рѣшеніями и изобличеніями. На сіе отвѣтствую, что мы и такого рода

сочиненій имѣемъ прамного и больше нежели нужно. Ибо поборники нашей вѣры въ разныя времена, въ разныхъ мѣстахъ, и на разныя потребности написали ихъ весьма довольно.

Таковыя сочиненія о разногласіяхъ между нами и латинами начались наипаче съ IX-го столѣтія, когда западная церковь предпринимала утвердить и передать потомству возникшія не за долго предъ тѣмъ новыя утѣствованія; почему и восточная принуждена была вступить въ таковой же подвигъ, дабы удержать стремленія сихъ нововведеній, и сохранить древній и прародительскій, отцепреданнаго ей искони православія, залогъ ненарушимъ. Отчего явилось множество сочиненій, коими мы изобилуемъ понынѣ; хотя бѣдствіемъ временъ и усилимъ противниковъ нашихъ, немалого числа изъ оныхъ и лишились.

Мы считаемъ въ нашей церкви въ X-мъ столѣтіи шесть знаменитыхъ писателей, обличающихъ латинскія нововведенія, и защищающихъ наши или лучше древнія Церкви догматы. Въ XI-мъ вѣкѣ также шесть; въ XII-мъ—десять; въ XIII-мъ—двѣнадцать; въ XIV-мъ—тринадцать; въ XV-мъ—семнадцать; въ XVI-мъ—пять; въ XVII-мъ—семь; въ XVIII—двухъ; всѣхъ же восемьдесятъ восемь, исключая тѣхъ, которыхъ творенія о семъ, или извѣстны намъ только по одному имени, или совсѣмъ неизвѣстны; а если и извѣстны, то остаются цовнѣ неизданными, а хранятся подъ снудомъ, какъ въ Ватиканѣ въ Римѣ, такъ и въ другихъ царскихъ, европейскихъ книгохранилищахъ. Онѣ извѣстны весьма малому числу и самыхъ латинъ; а восточнымъ (если они когда-нибудь ихъ просили) не токмо списать или читать, но и посмотреть на нихъ отнюдь не позволялось. Сихъ книгъ находится числомъ до семидесяти. А при семъ не безъизвѣстно и то, что равное, а можетъ быть и большее число обрѣтается писателей и съ противной стороны, ревностныхъ латинскихъ нововведеній защитниковъ, коихъ сочиненія, по причинѣ свободнаго въ странахъ ихъ печатанія, съ излишествомъ умножились, и понынѣ ежедневно безпрестаннымъ изданіемъ умножаются. А чрезъ то не ясно ли доказывается, что новыя, для прекращенія раздѣленія, или для воззванія отъ онаго, сочиненія по всей справедливости суть излишни. Понеже многія

изъ нихъ для хотящихъ и могущихъ ими пользоваться имѣемъ мы уже на лицо. Но изъ того весьма мало, или и совсѣмъ для желаемаго соединенія, нѣтъ никакой пользы. И поистинѣ, какой донинѣ, по истеченіи восьми или девяти сотъ лѣтъ, произошелъ плодъ отъ такового и толикаго въ сочиненіяхъ подвига? Увы! яки седмерицею разжжена Вавилонская печь! пламень раздѣленія и умножился и неистово разлился, а не исчезъ! Если кто со вниманіемъ разсудить, то найдетъ, что жалостному сему расторженію церквей и надлежало неминуемо воспослѣдовать. Изданныя или издаваемыя съ обѣихъ сторонъ возразительныя и взаимно опровергаемыя сочиненія, яко имѣющія своимъ предметомъ высокія и великія разсужденія, не подлежатъ одному своенравному и произвольному мнѣнію и рѣшенію какого-либо судіи, или писателя, или читателя; но непрежѣнно требуютъ и нѣкоего соотвѣтственнаго судилища, имѣющаго съ одной стороны довольную силу изслѣдовать и разсудить, а съ другой власть рѣшить и утвердить, которая изъ двухъ сторонъ справедливѣе. Съ самыхъ апостольскихъ временъ по VIII-е столѣтіе таковой судъ предоставляемъ былъ единственно Церкви, имѣющей совершенную власть и силу удостовѣрять. Сими судилищами были соборы вселенскіе, на которыхъ всякое разногласіе и недоумѣніе въ вѣрѣ принимало разрѣшеніе. Собирающіеся отовсюду во имя Господне, или самолично, или чрезъ своихъ намѣстниковъ, или сообщая письменно свои мысли, всѣ святые и богоносные отцы, въ разныхъ мѣстахъ своею паствою управляющіе, по предварительномъ и довольномъ испытаніи предложенія, и по строгомъ разсмотрѣніи и разсужденіи представленныхъ съ каждой стороны возразительныхъ сочиненій (яко на бывшежъ въ Ефесѣ вселенскомъ соборѣ о Кирилловыхъ и Феодоритовыхъ анаемахъ), наконецъ соглашались и единодушно говорили: „*Изволися Святому Духу и намъ* <sup>1)</sup>“. И такимъ образомъ смятеніе утишалось, сомнѣніе разрѣшалось и членъ вѣры или церковное положеніе подтверждалось. Но увы! сіи судилища съ IX-го столѣтія начали превращаться и приходятъ въ упадокъ! Римская Церковь, по внѣш-

<sup>1)</sup> Дѣян.: XV, 28.

нему могуществу и свѣтской своей власти до крайности возвысившись, восхотѣла и въ духовныхъ дѣлахъ быть единою главою во вселенной и въ разсужденіи вѣры говорить: *Тако изволися Свѣтому Духу и мнѣ*. И се что произошло: Церкви вселенской, имѣющей главу Единого Христа, латинцы ухищреніями своими дали главу другую, и именно папу. Восточная въ тоже время восчувствовала нелѣпность сего перемены. Восчувствовала оную на послѣдокъ (хотя и позже) и сама западная; напротивъ же, когда въ началѣ XV-го столѣтія увидѣла, что сія единая глава, отъ многихъ въ одно время на престолѣ святого Петра восшедшихъ, превратилась, по примѣру баснословнаго Гиріона, страннымъ образомъ въ три главы и что сія три главы на единомъ сидящія престолѣ, проклинали какъ самихъ себя, такъ и толпы стоящихъ въ Европѣ подъ властію ихъ иноплеменныхъ. Почему, какъ на бывшемъ во градѣ Констанціи при западномъ императорѣ Сигизмундѣ (въ лѣто 1414) соборѣ, такъ и на послѣдовавшемъ потомъ (въ лѣто 1431) въ городѣ Базелѣ главнѣйшій подлежалъ предметъ, дабы три или четыре оныя главы совокупить паки въ едину <sup>1)</sup>, а сію единую заставить повиноваться впредь, какъ и сначала было, вселенскому собору, который, состоя подъ единою истинною Главою Христа, *и се азъ съ вами есмь*, имѣеть силу и власть располагать дѣлами вселенской Церкви непогрѣшительно. Сіе великое и достохвальное онаго собора постановленіе (въ лѣто 1433) утверждено римскимъ духовенствомъ, а послѣ (въ лѣто 1434) и самимъ папою Евгениемъ, который принужденъ будучи и противъ воли своей преклонить главу свою, которую, однако жъ, немного спустя, уклонившись, паки вознесъ, не терпя, чтобъ единоначаліе его было уничтожено. За что послѣ (въ лѣто 1438) въ вышеобъявленномъ градѣ Базелѣ, осужденъ будучи цѣлымъ соборомъ, яко преступникъ, съ престола низвергнуть, а на мѣстѣ его возведенъ Феликсъ V-й. Но предприимчивый Евгенийъ, и по низверженіи

<sup>1)</sup> Этотъ вопросъ озвѣчивали соборы Пизанскій (1409 г.) и Констанцскій (1414—1418); во время же Базельскаго собора (1431—1443) былъ уже одинъ папа (Евгеній IV). Лашъ къ концу своихъ засѣданій сѣмъ соборъ создалъ второго папу (антипапу Феликса V).



своемъ, невѣдомо какимъ образомъ на престолѣ римскомъ паки утвердившись, чрезъ разныя ухищренія и великія обѣщанія подать помощь грекамъ, крайнею опасностію отъ нападенія оттоманскаго угрожаемымъ, прельстилъ ихъ, и на бывшемъ ономъ (въ лѣто 1439) Флорентинскомъ соборѣ попущеніемъ Божиимъ, привлекъ ихъ на свою сторону и чрезъ то, какъ гонящую его дотогѣ церковь, такъ и другую имъ гонимую, первую поправъ, вторую обольстивъ, въ жалостное обѣихъ привелъ порабощеніе. Такимъ образомъ папа римскій съ онаго времени утвердившись, хошетъ и понынѣ быть единымъ Церкви вселенской верховнымъ господиномъ и главою.

По пространномъ семъ, не излишнемъ, и намѣренію нашему не неприличною отступленію, обратимся къ заключенію и присовокупимъ слѣдующее:

Для Церкви на землѣ потребно нѣкое верховнѣйшее судилище. Оно нужно вообще для того, дабы на ономъ были судимы и рѣшимы возникающія по временамъ въ вѣрѣ разногласія. Сіе сохранялось и пребывало въ своей силѣ до семи вселенскихъ соборовъ, пріемлемыхъ и уважаемыхъ, какъ западною, такъ и восточною церквами. Мы восточные сего, яко вождельнѣйшаго блага, желаемъ, и яко могущаго совершенному соединенію поспѣшествовать, ищемъ; въ томъ непреложно согласны нынѣ и всегда. Но лативы такое судилище издавна отринули, твердо настоя, что вѣсто онаго единъ есть папа и судія и купно судимый. А изъ сего что жъ выходитъ? То, что два суть судилища, первое общее и вселенское, нами желаемое, а другое особенное и частное, какого хотять паписты, и при томъ съ преимущественною властію. И такъ вопрошаю, въ которомъ изъ сихъ двухъ судилищъ будутъ разсмотрѣны требуемыя возразительныя сочиненія для опредѣленія и утвержденія истины догматовъ, о коихъ происходитъ споръ? Пусть прежде показано будетъ сіе, а сочиненія возразительныя уже давно готовы. Доколѣ судилище будетъ частное, а не общее, доколѣ одни вызываютъ къ сему, а другіе къ другому, дотогѣ судилища оныя останутся непримиримы, несогласны, и во многомъ между собою противны; слѣдовательно, какъ изустныя состязанія,

такъ и письменныя возражительныя сочиненія, суть тщетны. Вотъ и четвертый изъ исчисленныхъ способовъ, довольно, кажется, какъ и прежніе, доказанъ 1-е бесполезнымъ, 2-е неудобнымъ и 3-е излишнимъ.

### Пятый способъ.

Изъ представленнаго доселѣ разсужденія явствуетъ, что желательное оное и вождѣлнѣйшее обращеніе уклонившихся въ раздѣленіе, несправедливо называемыхъ *унитовъ*, есть почти ненадежно. Ибо способы, по которымъ бы можно было сего надѣяться, по разнымъ причинамъ доказаны бесполезными и недѣйствительными. И такъ что жъ? (настоитъ вопрошающій и говорить); надобно ли оставить сіе въ прежнемъ положеніи? Приличное ли и благочестивое ли то дѣло, чтобъ мы, видя внадшаго въ разбойники, уязвленнаго и едва живого лежащаго, проходили мимо, оставляя его совершенно безъ всякаго призрѣнія и попеченія такъ, какъ съ упоминаемымъ въ евангельской притчѣ поступили священникъ и левитъ? нѣтъ; напротивъ мы имѣемъ долгъ съ усерднымъ тщаніемъ поспѣшить, если возможно, чтобъ изнемогаго поднять и уязвленнаго исцѣлить, возливая на струны его то масло, то вино, и всадивъ его на свой скоть, то есть приложивъ сверхъ прочихъ житейскихъ нашихъ заботъ и попеченій, и о немъ трудъ, яко бремя благое и должное, привести его въ духовную гостиницу церкви, и охотнымъ пособія нашего изживеніемъ прилежать, да восприметъ онъ совершенное исцѣленіе. Какимъ же, скажете вы, образомъ, когда всѣ поспѣшествующія къ уврачеванію средства, доказаны выше почти невозможными? Я на сіе отвѣтствую гоже, что на подобный апостоловъ вопросъ: *кто можетъ спасти быти?* сказалъ Небесный Учитель: *невозможная у человековъ, возможна суть у Бога* <sup>1)</sup>). И для того разсмотрѣвъ въ подробности вышереченные способы. можно ли или не можно оными дѣйствовать, надобно намъ употребить и все другое, къ достиженію намѣренія нашего поспѣствующее; ибо мы увѣрены, что во всѣхъ богоугодныхъ дѣлахъ, къ которымъ слабый человекъ съ

<sup>1)</sup> Мате. XIX, 26; Лук. XVIII, 26, 27.

усердіємъ прилежитъ, всесильный Богъ не оставляетъ свою помощію его подкрѣплять, *Сила бо Божія въ немощи совершается* <sup>1)</sup>, какъ говоритъ Писаніе.

Благочестивая вѣра, яко первѣйшая и главнѣйшая богословская добродѣтель, есть божественный и кунно человѣческій навыкъ; божественный по своему началу, а человѣческій, не токмо по силѣ понятія каждаго, но и по содѣйствующимъ ему къ пріятію вѣры средствамъ. Вѣра, яко даръ. Богомъ въ человѣка вдохновенный, зависитъ отъ Бога; но зависитъ также и отъ человѣка, поколику человѣкъ руководимъ будучи другимъ въ вѣрѣ наставленнымъ, по собственной волѣ и желанію, къ той же вѣрѣ склоняется, увѣряется и просвѣщается. *Началникъ и Совершитель вѣры*, по апостолу, есть вѣруемый. Но сей вѣруемый устрояетъ и хочетъ, дабы и человѣкъ съ своей стороны споспѣшествовалъ, и содѣйствовалъ вѣрующему.

Посему устроенію *мноючастнѣ и мноюобразнѣ древле Богъ, глаголавый отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ дній сихъ глагола намъ въ Сына* <sup>2)</sup>. Потому же устроенію и Сынъ послалъ апостоловъ на проповѣдь: *идите, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, учаще ихъ блюсти вся елика заповѣдахъ вамъ* <sup>3)</sup>.

Потому же самому и апостолы, посланники Христовы, проповѣдовали: *по Христу молимъ, яко Богу молящу нами* <sup>4)</sup>. И для утвержденія на всегдашнее время своего ученія установили церкви, оставляя по себѣ того же званія преемниковъ; а сіи преемники, въ послѣдствіи времени, просвѣтили священнымъ ученіемъ отцовъ церкви; отцы же сіи, смотря по надобностямъ созывали соборы, а соборы постановили правила для ненарушимаго въ роды родовъ сохраненія сего божественнаго залога вѣры, однимъ другому преподаваемаго и чрезъ проповѣдь распространяемаго, дабы вѣрующій услышалъ, и услышавъ удостовѣрился? *Какъ бо утвердуютъ,*

<sup>1)</sup> Коринт. XII, 9.

<sup>2)</sup> Къ Евр. гл. 1.

<sup>3)</sup> Матѣ. XXVIII, 19.

<sup>4)</sup> 2 Коринт. V, 20.

его же не услышала? Како же услышатъ безъ проповѣдающего? <sup>1)</sup>). Посему, дабы сопричислить къ увѣровавшимъ язычника Корнилія <sup>2)</sup>, нужно было посредство Петрово; дабы гонителя Савла сопричестъ къ лику апостоловъ, должно было въ томъ споспѣшествовать Анапіи <sup>3)</sup>; дабы евнуху муринскому быть наставлену и уразумѣть пророкомъ Исаіей предсказаннаго, а чрезъ то руководиму быть къ спасительному крещенію, нужно было встрѣтиться съ нимъ на пути Филиппу <sup>4)</sup>.

Итакъ, поелику православной, благочестивой нашей, по Божечеловѣкъ Иисусъ, вѣры начало есть Самъ Богъ; средство—проповѣдь и ученіе; а конецъ—обращеніе вѣрующаго; то есть, поелику вѣра предварительно и начипательно производится Богомъ, а потомъ пособіемъ и убѣжденіемъ челоуѣка, то возвращаясь теперь къ первому нашему предложенію, утверждаемъ, что представленныя выше сего для обращенія уклонившихся (о коихъ здѣсь наипаче идетъ рѣчь), въ такъ называемую несправедливо унію, способны чрезъ созваніе соборовъ, чрезъ личныя состязанія, и чрезъ изданіе возразительныхъ сочиненій, хотя и доказаны, въ разсужденіи настоящаго времени, бесполезными и неуспѣшными; однако-жъ не должно намъ, по причинѣ затрудненій, вовсе пренебречь желаемаго сего предпріятія; но какъ мы готовы были бы употребить всѣ оныя способы, если бы только надѣялись получить отъ нихъ какую пользу; такъ равно имѣемъ долгу употребить для сего другія возможные мѣры; во первыхъ потому, что въ вѣрѣ челоуѣка долженъ содѣйствовать, какъ видѣли, и челоуѣкъ; а во вторыхъ поелику мы увѣрены, что во всѣхъ вообще предпріятіяхъ, гдѣ по Богъ нужно содѣйствовать и челоуѣку, если бы и нашелъ онъ, по слабости своей, какія въ исполненіи затрудненія, отчаяваться объ успѣхѣ не долженъ, уповая на всемогущую Божию помощь: *ибо невозможная, какъ сказали мы предъ симъ, у челоуѣковъ, возможна суть у Бога*. Надобно только, чтобъ начинаемое, какимъ бы то сно-

<sup>1)</sup> Къ Римл. гл. X, 14.

<sup>2)</sup> Дѣян. гл. X и XI.

<sup>3)</sup> Дѣян. IX.

<sup>4)</sup> Дѣян. гл. VIII.

собомъ ни было, предпріятіе производилось образомъ Богу угоднымъ и любовнымъ, съ благоразсудительнымъ смысломъ, съ правымъ намѣреніемъ и съ ревностію по Богъ; а тогда, содѣйствующей Божіей помощію и благодати, и можно надѣяться добраго конца, тогда и соборъ, помѣстный ли, или вселенскій, но если такъ будетъ собранъ, подѣйствуетъ, и личныя состязанія такимъ же образомъ произведенныя, будутъ благоуспѣшны; и возразительныя сочиненія съ равнымъ души расположеніемъ издаваемыя и читаемыя воспользуютъ. Чтобъ совершить сіе благое намѣреніе, да призвется съ тепломъ молитвою и съ усердіемъ души Господь. „Свѣтъ оный просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ; свѣтъ Того, въ Коемъ единомъ узримъ янъ свѣтъ; свѣтъ оный, который во тьмѣ свѣтителъ, и тьма его не объемлетъ. А онъ самъ исполнитъ, и изведетъ правду нашу, яко свѣтъ, благое же и боголюбезное предпріятіе наше, яко полудне“.

Церковь наша ежедневно, при всеародныхъ молитвахъ возбуждаетъ чадъ своихъ воссылать къ Богу всечеловѣкъ сіе теплое о соединеніи *всѣхъ* прошеніе. Да и каждый изъ насъ особо моляся, на всякое время и на всякій часъ проситъ отъ Христа Бога огражденія ангельскаго, да ополченіемъ ихъ соблюдаемы и наставляемы, *достигнемъ въ соединеніе вѣры*. Тако моляся, какъ не желать намъ того, чего просимъ? Тако желая, какъ не прилежать о томъ, чего желаемъ? Тако съ усердіемъ прилежа, какъ не употребить, вмѣсто неудобныхъ средствъ, другихъ болѣе дѣйствительныхъ? Въ семъ случаѣ должно подражать искуснымъ врачамъ, которые, когда, по обстоятельствамъ, дѣйствительныхъ къ урочаванію болѣзни средствъ употребить не могутъ, приемятъ вмѣсто ихъ, хотя и не столь сильныя, однакожъ къ исцѣленію нѣсколько пособствующихія, другія. Недугъ очевиденъ, нужда настоятъ, болящій требуетъ помощи, а законъ врачества не позволяетъ оставлять больного безъ призрѣнія. *Imprium est aegrum sine remedio relinquere* (беззаконное дѣло, оставлять больного безъ призрѣнія). Почему и для урочаванія единоплеменныхъ намъ, о коихъ предлежитъ здѣсь рѣчь, нужно употребить, сверхъ вышепредложенныхъ, и другой способъ, каковъ есть сей пятый.

Въ городахъ, селахъ и деревняхъ, гдѣ по большей части обитають къ униі приверженные, въ церковный причтъ надобно избирать съ возможнымъ попеченіемъ и вниманіемъ. Въ таковыхъ мѣстахъ верховные церквей пастыри, по нихъ другія духовныя власти, такожь священники, діаконы и прочіе, отъ первыхъ до послѣднихъ, должны быть вообще люди достойные и безпорочные, въ священномъ ученіи каждый по чину своему довольно наставленные и поведенія духовному ихъ сану соотвѣтственнаго. Таковымъ непремѣнно подобаетъ быть служителямъ церкви; ибо они суть царское священіе, и народъ по преимуществу святой, люди ближе прочихъ приступающіе къ самому Богу, входящіе во внутренняя завѣсы, восходящіе на вершину дымящіяся горы, освѣяемой облакомъ; такихъ вообще достоинъ во всѣхъ повсюду церквахъ избирать служителей христіанскихъ: *служи Его, творящіе волю Его*. Но если и вездѣ со тщательнымъ разсмотрѣніемъ, по востребованію нужды, долженъ быть производимъ выборъ особъ духовныхъ: то наипаче надлежитъ сіе наблюдать тамъ, гдѣ пребываютъ единоплеменные намъ, совращенные въ унию. Справедливо призывается тогда врачъ искуснѣйшій, когда болѣзнь будетъ тягчайшая; отражается храбрѣйшій воинъ въ ту сторону, гдѣ большая предстоить опасность, или гдѣ непріатели сильнѣе ополчуются; посылается опытный и нарочито искусный пастырь въ тѣ пажити, гдѣ болѣе предвидится бѣдствій, гдѣ чаще попадаются или ядовитыя травы, или хищныя волки и другіе опасные для стада звѣри. Итакъ положивъ, что сему подобны тѣ мѣста, гдѣ живутъ уклонившіеся въ унию, потребно таковымъ же быть врачамъ, подвижникамъ и пастырямъ, каковыхъ мы описали.

Настоящее разсужденіе не касается собственно до служителей церкви самихъ по себѣ; и не съ тѣмъ предлагается, чтобъ научить ихъ, какими должны они быть въ исполненіи высокаго сего званія, къ которому призваны. Сіе сами должны они знать изъ чтенія апостольскихъ завѣщаній, соборныхъ правилъ <sup>1)</sup>, коихъ они избраны быть проповѣдниками и защитниками. Я не хочу напо-

<sup>1)</sup> Къ Тим. 1 посл. гл. 1, II и IV. 2 Посл. гл. II, III и IV и къ Тит. гл. I, II и III и Петр. 1, посл. гл. III.

минать имъ, что евангельское оное завѣщаніе: *Тако да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуки* <sup>1)</sup>, къ нимъ преимущественно относится. Они должны быть увѣрены, что таковой свѣтъ изъ устъ ихъ чрезъ проповѣдь Слова Божія изливаемый и чрезъ богоугодныя дѣла въ поступкахъ являемый, не токмо православнымъ въ нѣдрахъ церкви христіанамъ, но и внѣ оной обрѣтающимся иновѣрнымъ и противная мудрствующимъ, приносятъ великую пользу. Сей свѣтъ первымъ умственнымъ очи закрыть не позволяетъ, а вторымъ оныя отверзаетъ; а по сему и тѣхъ и другихъ превзыбточно пользуется. Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе весьма сильно въ научаемомъ, когда оно оправдано дѣлами учащаго, и дѣйствуетъ, яко живое и одушевленное.

Рѣчь моя клонится здѣсь ко владыкамъ и князьямъ земнымъ, *имъ же дана есть держава отъ Господа, и сила отъ Вышняго* <sup>2)</sup>. Они, по апостолу, *суть власти отъ Бога учиненныя... слуги Божіи... и служители Божіи...* Сего ради неотрицаемый между прочимъ имѣють долгъ—пещись, дабы благочестіе и истинная вѣра твердо были сохраняемы народомъ, котораго Вышній покорилъ ихъ власти; и чтобъ избираемые подъ державою ихъ къ священноначальству, яко орудіе къ совершенію долгаго Богу служенія, были люди самыя достойныя.

Сіе великое и по истинѣ божественное попеченіе возлагается не на однихъ нижней степени начальниковъ; но относится и къ самымъ предержавшимъ властямъ, восходя до первыхъ и вышнихъ степеней престола. И самъ государь, хотя и не имѣетъ власти касаться жертвенника, яко священникъ <sup>3)</sup> (какъ дерзнулъ Озіа), долженствуетъ однако жъ пещись и промышлять, дабы церковныя дѣла были устроены и управляемы благопорядочно и успѣшно, а паче чтобъ священнослужители, проповѣдуя истинное Божіе слово, и добрымъ своимъ поведеніемъ подавая примѣръ народу, старались чрезъ то споспѣшествовать распространенію и утвержденію благочестивыя вѣры.

<sup>1)</sup> Мате. гл. V, 16.

<sup>2)</sup> Къ Рим. гл. XIII, 1, 4, 6.

<sup>3)</sup> Парал. гл. XVI, 16, 19.

Давидъ, царь кунно и пророкъ, собственною особою располагаетъ служить предъ кивотомъ священниковъ и левитовъ, и устроивъ во *оранжахъ, пльсняхъ мусикійскихъ, псалтирехъ и кимвалехъ*, лвики пѣвцевъ самъ въ томъ соучаствуетъ <sup>1)</sup>. Аса подвизается въ истребленіи изъ священной земли Іеровоамовыхъ идоловъ, *собравъ всею Іуда и Венимина и всѣхъ обитающихъ съ нимъ отъ Ефрема, и отъ Манасси, и отъ Симеона*, отпадшихъ въ раздѣленіе <sup>2)</sup>. Подобно печется и Езекиа обратить уклонившихся въ раздѣленіе израильтянъ, и чрезъ нарочныхъ призываетъ израиля *отъ Вирсави, даже до Дана; да придутъ сотворити Пасху, очистившись отъ священниковъ и левитовъ въ домъ Господа* <sup>3)</sup>. Іосія разоряетъ жертвенники Ваагли, и утверждаетъ домъ Господень, въ небреженіи предшественниками его оставленный, *собравъ священниковъ и левитовъ къ слушанію чтенія книги завета* <sup>4)</sup>.

Симъ благочестивымъ израильскимъ царямъ не оставили послѣдовать и нашей христіанской Церкви христоролюбивые государи. Константинъ Великій самолично присутствовалъ на соборѣ Никейскомъ и, сѣтуя о совращеніи православныхъ, великимъ почиталъ подвигомъ обратить ихъ и исправить. Константъ благочестивѣйшій, сынъ его, подвигнутый ревностію, старался и увѣщаніями и великими дарами и разными другими средствами отвратить раздоры въ Африкѣ, и противомудрствующихъ привести въ единомысліе. Θεодосій Великій, среди частныхъ военныхъ своихъ подвиговъ, какъ противу варваровъ на державу его наступающихъ, такъ и противъ похитителей власти его, старался очистить свое государство отъ остатковъ идолопоклонства, дотоле оное осквернявшихъ.

Но оставляя древнихъ, можемъ ли не вспомнать Петра Великаго, безсмертнаго Россіи самодержца? Онъ, при всѣхъ воинскихъ околчненіяхъ и другихъ гражданскихъ безчисленныхъ и мно-

<sup>1)</sup> Парал. кн. 1, гл. XV и XVI.

<sup>2)</sup> Парал. кн. 2, гл. XV, 8, 9.

<sup>3)</sup> Парал. кн. 2, гл. XXX.

<sup>4)</sup> Парал. кн. 2, гл. XXXIV.



готрудныхъ попеченіяхъ не оставилъ обратитъ великаго и геройскаго своего духа на размышленіе о устроеніи и церковныхъ дѣлъ, благоговѣнно и по истинѣ царски исповѣдуя, что небреженіемъ онаго явился бы онъ предъ Богомъ неблагодарнымъ и вовсе безотвѣтнымъ. „Несуетный на совѣсти нашей, говоритъ онъ (въ указѣ своемъ объ учрежденіи Правительствующаго Синода), возмиѣли мы страхъ, да не явились неблагодарни Вышнему, аще толикая отъ него получивъ благоуспѣшества, во исправленіи, какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина духовнаго. И когда неліцемерный Онъ Судія воспроситъ отъ насъ отвѣта о толикомъ намъ отъ него врученномъ приставленіи, да не будемъ безотвѣтны“.

Не восхотѣлъ божественнѣйшій сей самодержецъ простерти руки своя къ священнодѣйствию и вступить въ званіе патріарха, какъ клевететь его, суеслова въ новѣйшемъ своемъ землеописаніи, достойный пошмѣнія Губернръ; или какъ и еще смѣшнѣе бредить о немъ во многихъ мѣстахъ должныя росейскія достопамятныя сказанія; но благоволилъ и за полезное судилъ, дабы церковныя въ его государствѣ дѣла управляемы были собраніемъ первенствующихъ священныхъ особъ, и для того на мѣсто верховныя патріаршія власти учредилъ Правительствующій Синодъ; да и сіе сдѣлалъ съ общаго всѣхъ духовныхъ особъ согласія и утвержденія, какъ явствуетъ и изъ самаго духовнаго регламента, гдѣ говоритъ онъ: „Того ради образомъ прежнихъ, какъ въ Вѣтхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ благочестивныхъ царей, воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго, не видимъ лучшаго къ тому способа, паче соборнаго правительства и пр.“.

Такимъ образомъ государь, посвящая свои труды на установленіе и утвержденіе благочестія, дѣлается нѣкоторымъ образомъ и самъ священникомъ; но дѣлается не непосредственно, а употребляя къ тому, яко способное орудіе, чинъ священный. Вотъ и пятый способъ, избраніе, то есть, священства; могущій споспѣшествовать къ воззванію уклонившихся въ раздѣленіе, что и составляетъ нашъ предметъ. Однако жъ священство, для преуспѣванія въ семъ дѣлѣ, должно быть, какъ мы уже и выше сказали, из-

бранное, и какъ въ званіи, такъ и въ поведеніи строго испитанное; къ чему почитая нужнымъ, сказанное нами о семъ пространнѣе въ другомъ сочиненіи *о вѣротерпимости*, изданномъ на греческомъ языкѣ въ Лейпцигѣ 1768 года, не оставимъ повторить и здѣсь.

„Государь, для установленія истиннаго богослуженія и для прекращенія всякаго невѣрія и противнаго православію умствованія, долженъ имѣть великое попеченіе и крайнее вниманіе, дабы въ первыхъ, церковныя степени и достоинства производились люди добродѣтельные и мудрые. украшенные знаніемъ, святостію житія; чтобъ были довольны, какъ свѣтомъ ученія другихъ просвѣтить, такъ и отличнымъ своимъ поведеніемъ наставить, привлечь, и направить къ Богу послѣдователей благочестія, ревнителей добрыхъ дѣломъ избранныхъ его людей. Пастыри церкви занимаютъ такое мѣсто въ духовенствѣ, какое имѣютъ въ гражданствѣ начальники народовъ, а въ воинствѣ вожди. Мужество и воинское искусство предводителя подкрѣпляетъ войско; важность и разумное правленіе начальника благоустроляетъ городъ; богоугодные поступки и совершенное какъ въ священномъ Писаніи, такъ и въ книгахъ святыхъ отцовъ, знаніе пастыря возидаетъ церковь.

„Когда таковыя надъ разными въ державѣ его стадами поставлены будутъ пастыри, то содѣйствующей свыше Божіей силѣ, удобно посредствомъ ихъ сохраняются словесныя Христовы овцы. власти его покоренныя отъ нападеній волковъ и другихъ въ мрачныхъ неправославія и иновѣрія дубравахъ обитающихъ звѣрей. Онъ можетъ нѣкоторыхъ изъ таковыхъ пастырей послать и во внутренность того лѣса, дабы укротить сихъ дикихъ звѣрей, тамъ сокрывающихся. Долженъ однако жъ послать ихъ не яко звѣрей противъ звѣрей, но яко овецъ посреде волковъ, какъ и Господь нашъ послалъ учениковъ своихъ: не съ оружіемъ, и не съ мучительными въ пыткѣ употребляемыми орудіями, но съ проповѣданіемъ и увѣщаніемъ; не съ силою и властію озлоблять, терзать, похищать, но съ завѣщаніемъ и прещеніемъ не держать *ни жезла, ни кошицы*; жезла дабы не поражать: *кошицы*, дабы не влагать. Онъ пошлетъ ихъ токмо съ благочестіемъ въ душѣ, съ рев-

ностью въ сердцѣ, съ священнымъ Писаніемъ на языкѣ, съ Божиимъ закономъ во устахъ, съ слезами въ очахъ, съ добродѣтельными дѣлами и благодѣніями въ рукахъ, послѣдуя примѣру Иосафата благочестиваго царя іудейскаго. *Въ третье лѣто царства своего, посла начальники своя .. и съ ними левиты... учаху же во Іудей, имѣюще книгу Закона Господня и провозвѣдаху грады Іудины и учаху люди <sup>1)</sup>*“.

### Шестой способъ.

Церковь, безпрекословно, есть великое праваго богослуженія училище; священнослужители же и тайноводители ея суть первые и наилучшіе благочестія учителя и наставники: а не мало способствуетъ къ сему и то, если таковыя учителя будутъ имѣть и учениковъ, къ принятію преподаемаго ими ученія способныхъ и хорошо предрасположенныхъ. Ученіе проповѣдниковъ въ церквахъ бываетъ полезно и успѣшно тогда, если слушатели получили уже прежде нѣкое, въ общенародныхъ училищахъ наставленіе, и не все суть безграмотны, или ослѣплены безумнымъ невѣжествомъ, не будучи въ состояніи ничего различать, кромѣ только что поражаетъ ихъ чувства. Итакъ заведеніе училищъ для наученія дѣтей должно быть предварительнымъ попеченіемъ тѣхъ, кои въ свѣтскихъ или духовныхъ дѣлахъ поставлены быть правителями, учредителями и строителями.

Безъ сомнѣнія хорошее и разумное съ самыхъ молодыхъ лѣтъ дѣтей воспитаніе, располагаемое сообразно ихъ званію и состоянію, есть первое основаніе, какъ житія, такъ и Богопочитанія. Земледѣлецъ имѣетъ великую надежду, когда посѣялъ свои сѣмена на мягкую и въ первый разъ еще воздѣлываемую землю. Первые лучи солнца благовременно ихъ согрѣваютъ, вторые укореняютъ и укрѣпляютъ, а послѣдніе совершаютъ и оживляютъ. Отчего, наконецъ, сѣмена тѣ прозябаютъ, цвѣтутъ и приносятъ плоды. Подобнымъ образомъ хорошее и благоразумное съ молодыхъ лѣтъ воспитаніе вдыхаетъ въ человѣка сперва нѣкую пріятную и тихую теплоту, распо-

<sup>1)</sup> Парал. кн. 2, гл. XVII, 7, 8, 9.

лагающую его и къ счастливому житію и къ благочестію, которое побуждаетъ духъ его, направляя и преклоняя оный къ должному повиновенію и послушанію, послѣ чего, при самыхъ первоначальныхъ священнаго ученія толкованіяхъ, возрождается, или лучше сказать, изливается свыше истинная и благихъ плодовъ виновная вѣра. Хорошо воспитанные дѣти переходятъ въ возрастъ цѣломудреннѣхъ юношей; сіи присиѣваютъ въ лѣта благоразумныхъ и основательныхъ мужей; а благоразуміе есть умственное души отверстое око для различенія праваго пути отъ строповаго во всѣхъ предпріятіяхъ, къ коимъ, склонное на всѣ стороны, человѣческое произволеніе располагается. Трудно преклонить человѣка вовсе безъ воспитанія и невѣжду; а еще труднѣе того, который преднаставленъ, но въ самомъ предвставленіи упоенъ заблужденіемъ, то есть злонаставленъ; ибо таковой бываетъ непреклоннѣе и, по предразсужденію имъ обладающему, упорнѣе и противнѣе; но благовоспитанный съ младыхъ лѣтъ скорѣе въ здравый разумокъ входитъ и удобнѣе какъ постулки свои, такъ и образъ мыслей, исправляетъ. *Есть изобиліе мудрости паче безумія, яко же изобиліе свѣта паче тьмы, мудраго очи его во главѣ его, а безумный во тьмѣ ходитъ* <sup>1)</sup>. Сіе доказательствъ не требуетъ, а потому, въ разсужденіи нашего предмета, справедливо можемъ заключить, что и уніатскаго племени дѣти, наставленные сначала въ православныхъ училищахъ, удобнѣе могутъ заблужденіе уніи оставить, нежели тѣ, которые никакого напередъ наставленія не получили, и гораздо удобнѣе, чѣмъ тѣ, кои отъ младыхъ ногтей въ ихъ училищахъ упоены мутными нововведенія онаго водами, то есть злонаученныхъ. Перестроить труднѣе, нежели вновь построить, и преобразить что-либо въ другой видъ не столь удобно, какъ дать оному видъ сначала. Равнымъ образомъ великому подвержено затрудненію исправить закосившаго въ умствованіи неправомъ. „Ибо въ семъ случаѣ благочестивоуму и искусному наставнику двойное бы подлежало дѣло; то есть и прежнія худыя впечатлѣнія истребить, и на жѣсто ихъ новыя и справедливыѣйшія вкоренить” <sup>2)</sup>. Трудъ сугубый.

<sup>1)</sup> Еккл. гл. II, 13 и 14.

<sup>2)</sup> Назіана. въ I-мъ своемъ защ. словѣ.

Почему и афинскій мудрецъ двойную плату требовалъ съ тѣхъ учениковъ, которые къ нему приходили, обучившись прежде у худыхъ учителей.

Итакъ, полезно въ городахъ, гдѣ обитаютъ уклонившіеся въ унию, завести для дѣтей ихъ училища, называемыя латинами *sempagia* (какъ-бы сказать рассадники наукъ), а мы можемъ называть ихъ дѣтскими училищами. Онѣ должны быть общія, и отверсты безъ различія равно для принятія какъ отъ православныхъ родителей, такъ и отъ униатовъ рожденныхъ; гдѣ по обученіи грамотѣ и первымъ началамъ наукъ, преподавалось бы имъ правоученіе и начальныя основанія православнаго исповѣданія. Родители сихъ отроковъ порадуются, видя, что ихъ дѣти, какъ и прочихъ, удостоиваются равнаго благоприврѣнія и попеченія о ихъ просвѣщеніи, дѣти же сямъ способомъ воспитанные и обученные, содѣлаются своимъ родителямъ какъ бы наставниками и учителями въ правомъ исповѣданіи. А Церковь Христова можетъ надѣяться, что сямъ средствомъ мало по малу въ нѣдра ея возвратится тотъ народъ, который мнимо оною унию, невѣжествомъ и другими разными обстоятельствомъ подкрѣпляемою, отъ православія отторгнутъ.

Сей способъ крайне наблюдали соперники наши, дабы входящихъ къ нимъ привлечь на свою сторону, то есть изъ православныхъ сдѣлать своими послѣдователями и защитниками нововведеннаго ими въ церковь ученія. Царствовавшая въ Англіи въ XVI-мъ столѣтіи преславная Елизавета, за честь себѣ поставила открыть тамъ греческое училище, указавъ принимать въ оное двѣнадцать воспитанниковъ изъ грековъ. Въ числѣ сихъ обучался тамъ и киркирейскій (корфійскій) проповѣдникъ Филосей Просалентъ, который, возвратясь напоследокъ въ свое отечество (гдѣ поелику прежде довольно наученъ былъ истинной вѣрѣ, а истинная вѣра, вспомошествоваемая Божіею благодатью, всегда торжествуетъ) отвергъ неправое ученіе, коимъ тамъ былъ напоенъ; и написалъ противу Веніамина Удрофа англичанина, учителя своего, сочиненіе о преподаваніи ученія, подъ названіемъ: *Еретикъ учитель, обличаемый правосѣрнымъ ученикомъ*. Можетъ быть, британская королева учредила тогда сіе училище болѣе изъ любви

къ грекамъ, нежели изъ любви къ вѣрѣ. Но что касается до римскихъ папъ, то безъ сомнѣнія во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ они такъовны для обученія греческихъ дѣтей училища ни открыли, и теперь имѣють то единственно намѣреніе, чтобъ распространить по всей восточной церкви свою власть и свои вновь введенныя ученія и мнѣнія.

Учрежденныя нѣкогда латинами греческія училища въ Кипрѣ, Бритѣ и въ другихъ островахъ и селеніяхъ, гдѣ или прежде были, или по нынѣ состоятъ подъ властію ихъ греки, на какой другой конецъ клонились, какъ не на тотъ, чтобъ уловить въ ярежи свои сыновъ православныя церкви и привлечь ихъ на свою сторону? Славныя оныя въ Патавіи (въ Падуѣ) училища, гдѣ, если случатся учителя изъ грековъ, согласно съ латинами мудрствующіе, оныхъ весьма охотно и понинѣ опредѣляютъ; да и учрежденныя въ другихъ странахъ Италіи малыя и большія училища не къ сему ли также намѣренію клонятся? А въ Римѣ, въ такъ называемомъ училищѣ *святого Аванасія*, и знаменитый воздвигнутъ храмъ, и епископъ къ латинскимъ догматамъ приверженный и папу обожающій въ ономъ священноначальствуетъ, и священники также съ латинами согласно мудрствующіе, хотя священнослуженіе совершаютъ по языку, обряду и чиноположенію восточной церкви; но въ саможъ дѣлѣ подъ такимъ наружнымъ сходствомъ скрываютъ съ одной стороны нарушеніе и испроверженіе восточныхъ православныхъ догматовъ, съ другой исповѣданіе латинскихъ нововведеній. Учащіеся тамъ обязаны присягою содержать и защищать во всю свою жизнь сіи нововведенія, а по возвращеніи въ свое отечество, и наставлятъ въ оныхъ своихъ единоземцевъ. Посему изъ означеннаго училища, яко изъ троянскаго коня, произошли и Алляціи, и Аркудіи, и Коріофиллы и всѣ прочіе того же толка именуемые *римско-свято-аванасіане*, которые противу матери своей Церкви неистовою воспламенились яростію.

По сему приямѣру нашихъ противниковъ, можно и намъ употребить тотъ же самый способъ, то есть учредить училища въ разныхъ городахъ, гдѣ уніаты обитають, стараясь по возможности собрать хотя нѣкоторую часть изъ сихъ, отъ Христова стада жа-

лостно отторгнутыхъ. Нѣтъ въ томъ ничего худого, если кто для своего защищенія употребить тѣ же самыя оружія, которыя противу него употребляетъ его врагъ. Подражать въ сечь случаѣ справедливо можно и намъ; но если здраво разсудить, то и подражаніемъ прямо назвать сего не можно. По велику средство сіе непротивники наши сперва изобрѣли и употребляли, но предприемлемое проповѣданіемъ и наставленіемъ уклонившихся отъ церкви обращеніе почиталось всегда дѣломъ и праведнымъ, и похвальнымъ, и полезнымъ. Непремѣнно только надобно, чтобъ училища для такого намѣренія были учреждаемы по надлежащимъ правиламъ, то есть на единственнаго къ благочестію подвига, съ ревностію по Богъ, съ христіанскою любовію и дѣломудріемъ, чтобъ въ сихъ училищахъ поступали снисходительно и кротко, непоказывая никакаго суроваго взгляда, не оскорбляя ниже малѣйшимъ словомъ, и не подавая ниже малѣйшаго вида презрѣнія, а особенно должно такъ обходиться съ воспитанниками уніатскаго племени для наученія приходящими, отнюдь не дѣлая имъ ни принужденія, ни насилія (смотри. 1-й способъ); не обязывая предварительно никакими договорами, обѣщаніями и присягою содержать ненарушимо преподаваемое ученіе, чтобъ руководство къ истинной Церкви и присвоеніе учащихъ юношей основывалось на единой токмо силѣ предлагаемой истины, но мѣръ просвѣщенія испосылаемаго каждому чрезъ благодать вачалосовершительнаго Духа. Почему весьма нужно въ таковыхъ училищахъ наблюдать слѣдующее:

*Первое*, опредѣляемые въ оныхъ наставники и учителя должны быть люди благоразумные, смиренномудрые, кроткіе и благонравные, добраго житія, честныхъ поступковъ; и вообще поведенія не зазорнаго и *дѣлатели*, по апостолу, *непостыдны*; чтобъ пріязненная ихъ добродѣтель и благіе нравы свидѣтельствовали и оправдывали спасительное по Бозѣ ученіе, преподаваемое желающимъ онаго научиться. Таковыхъ, къ служебію готовящихся, завѣщадъ избирать Тимоеею и святой Павелъ, говоря: *си да искушаются прежде, потомъ же да служатъ непорочно суше* <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> 1 посл. гл. III, 3, 10.

*Второе* несравненно вышереченнаго важнѣе и нужнѣе есть то, чтобъ учителя и наставники въ таковыя училища опредѣляемы были изъ православныхъ, содержащихъ прямо догматы вѣры; не допуская отнюдь къ сей должности, какъ развращенныхъ и порочной жизни, такъ и содержащихъ неправо догматы вѣры. Первые опасны потому, чтобы вмѣсто исправленія не развратили нравовъ воспитываемыхъ; а вторые, чтобы вмѣсто наставленія не перетолковали имъ превратно догматовъ вѣры; почему нужно и съ той и другой стороны съ равнымъ вниманіемъ разсматривать учащаго; съ первой стороны для того, что какая можетъ быть благочестивой и истинной вѣрѣ польза, когда нравы вѣрующаго будутъ развращены? а съ другой, какая польза и отъ благонравія (если только можетъ быть истинное благонравіе безъ правой вѣры), когда вѣра будетъ неправая? Но, изслѣдовавъ въ точности сей предметъ, относительно надзиранія надъ учащимися, открывается, что по вѣкоторымъ причинамъ вредѣе иногда бываетъ неправовѣрный, нежели безперядочнаго житія человекъ. Поелику сей порочные нравы свои и гнусныя дѣла по природѣ старается скрывать; Адамъ легко найдетъ *листіе смоковное*; а тотъ, защищая заблужденіе неправой своей вѣры, готовъ оное оправдывать; почему изъ честолюбія своего употребляетъ всякіе хитрые способы сообщать и другому. *И Ева возьми... яде, и даде мужу своему.* Итакъ не могу я не коснуться здѣсь стороною разсужденіемъ моимъ о томъ, сколь неразумно и неосторожно принимаютъ иногда родители въ дома свои учителями, наставниками и надзирателями за дѣтми людей иновѣрныхъ и другого совсѣмъ исповѣданія, которые, вѣроятно, весьма усердно тшятся препорученныхъ имъ дѣтей (если не явно и открыто, то, по крайней мѣрѣ, потаенно и коварно), тѣми же, въ разсужденіи вѣры мнѣніями уповать, какія и сами держать и защищаютъ. Трудно изобразить словами, сколь великій отъ такового злоупотребленія вѣра претерпѣваетъ вредъ.

*Третье.* Но если случится, что кто—нибудь, не вступая еще въ училища, къ вѣрѣ православной, оставя раздѣленіе, обратится, и при честномъ своемъ поведеніи, а равно при истинномъ и твердомъ догматовъ исповѣданіи, окажется къ учительской должности



способнымъ и искуснымъ, то можно ли такового, по причинѣ прежняго его отъ правой вѣры отступленія, яко недостойнаго въ сіе званіе, употребить. Если рѣчь идетъ о степени епископской, то, по презяществу сего высокія священноначалія должности, кажется, допускать такового, по апостольскому завѣщанію, не должно: *не подобаетъ быти, говорить онъ, епископу новокрещенному, да не разгордѣтся, въ судъ упадетъ діаволъ* <sup>1)</sup>. Но велику должность воспитанія дѣтей, о чемъ здѣсь настоятъ рѣчь, не столь высока, чтобъ можно было оною гордиться; а при томъ пастыри и надзиратели церковные не оставятъ смотрѣть за исправляющими нижніи сіи должности; то по сему, кажется мнѣ, преждее отъ правы вѣры отступленіе не заграждаетъ къ учительству пути; но довольно, ежели засвидѣтельствовано будетъ другими, что онъ поведенія честнаго. *Подобаетъ бо ему, какъ говоритъ тотъ же апостоль, и свидѣтельство добро имѣти отъ вышнихъ* <sup>2)</sup>.

И по истинѣ засвидѣльствованнаго отъ всѣхъ въ добромъ и честномъ его поведеніи нельзя подозрѣвать, чтобы онъ не истинно и искренно, но ложно и притворно преждее неправое свое умствованіе, которому родители и присные его послѣдуютъ, оставилъ и присоединился къ православнымъ. Но, судя по справедливости, я могу сказать, что отъ такового можно намъ гораздо большей ожидать пользы; ибо, какъ обращеніемъ своимъ подалъ уже онъ приснымъ и другимъ единомыслящимъ съ нимъ, добрый примѣръ, то нѣтъ сомнѣнія, что употребить всѣ силы и ученіемъ своимъ убѣждать къ истинной вѣрѣ и прочихъ, въ раздѣленіи еще оставшихся. Падшаго, и потомъ воставшаго, исправленіе великую имѣетъ силу къ возвращенію отпадшихъ и къ утверженію неотпадшихъ. *И ты нѣкогда обращай, утверди братію твою* <sup>3)</sup>.

*Четвертое*, въ училищахъ, гдѣ дѣти униатовъ будутъ обучаться вмѣстѣ съ дѣтьми православныхъ, наставники и учителя должны остерегаться, чтобъ не поступать съ одними какъ словами, такъ и взглядомъ, сурово и жестоко, а съ другими ласково

<sup>1)</sup> Къ Тим. 1 посл. гл. III, 6.

<sup>2)</sup> Тамъ же, ст. 7.

<sup>3)</sup> Лук. гл. XXIII, 32.

и кротко; потому что сямъ отличіемъ, не пользуя нимало первыхъ, повреждаютъ вторыхъ. Своихъ сдѣлають чрезъ то дерзновеннѣе и грубѣе, а чужихъ болѣе отдаляютъ отъ себя, и такимъ отличіемъ обоихъ между собою раздѣляютъ, что вовсе намѣренію нашему противно. Почему учителя да обходятся со всѣми учениками, яко общіе отцы, а ученики съ учителями, яко возлюбленныя ихъ чада, и между собою, яко братія.

*Пятое.* Учителя отнюдь не должны позволять ученикамъ своимъ производить между собою состязаній и словопреній о церковныхъ матеріяхъ, хотя бы они представляли, что сіе дѣлають для защищенія своей вѣры, ибо отъ таковыхъ безвременныхъ состязаній и дѣтскихъ споровъ не происходитъ ничего другого кромя раздраженія и негодованія, а потому и вѣщаго въ раздѣленіи утвержденія, когда главное наше намѣреніе есть оное раздѣленіе отвратить и разрушить. Итакъ, непремѣннымъ и твердымъ въ сихъ училищахъ постановлено быть должно правиломъ, дабы учащіеся никогда одинъ другому не предлагали никакихъ о вѣрѣ сомнѣній и вопросовъ; но если бы когда—нибудь и зашла о томъ рѣчь, то обѣ стороны, согласно прибѣгнувъ къ учителю, должны предложить ему вопросъ и ожидать на оный отъ него разрѣшенія; а учитель, если увидитъ, что вопросъ пустой, то долженъ ихъ увѣщевать, чтобъ таковыя требованія, яко бесполезныя и тщетныя, оставили. Если же вопросъ превышаетъ силы понятія ихъ, то совѣтовать имъ пообождать, пока чрезъ продолженіе ученія не получатъ большаго познанія, чтобъ могли послѣ обѣ истинѣ предложеннаго вопроса удостовѣриться; а между тѣмъ, сколько на тогдашней случай понятіе ихъ дозволить, можно съ кротостію сдѣлать имъ какое—нибудь и объясненіе.

*Шестое.* Если который ученикъ будетъ своенравенъ, непреклоненъ, чрезмѣрно упряжь, горячь, дерзокъ и грубъ, и вмѣсто того, чтобы самому учиться, онъ, тщеславясь мудростію своею, станетъ стараться научать другихъ предметамъ, до вѣры касающимся; и не покорясь истинѣ, будетъ оной противоборствовать, то таковой, если и по сдѣланнымъ неоднократно отъ учителя увѣщаніямъ и изобличеніямъ, останется непреклоннымъ, и должнаго

повиновенія не окажетъ, будучи неисправный и самъ для себя безцѣльный, для прочихъ же соучениковъ, чрезъ соблазнительный свой примѣръ, и весьма вредный, изъ училища да извержется. Сия образъ должно равно поступать съ каждымъ такимъ ученикомъ, не смотря, уніатскаго ли онъ будетъ племени, или изъ правовѣрныхъ.

### Седьмой способъ.

Последній по порядку, первый же въ разсужденіи пользы и для воззванія уклонившихся отъ православныя Церкви, нужнѣйшій способъ есть порядочное въ вѣрѣ наставленіе. Чтобъ уніаты могли свое заблужденіе, въ коемъ погружены, узнать, должны прежде услышать ученіе, дабы посредствомъ онаго могли о истинѣ удостовѣриться и обратиться. Причина сему очевидна. Ибо вѣра, какъ выше сказано, происходитъ отъ слуха, а слухъ отъ проповѣданія, *како же утврютъ, его же не услышаша; како же услышатъ безъ проповѣдающаго?* <sup>1)</sup> Почему въ пятомъ способѣ и признано за нужное имѣть достойныхъ священниковъ и служителей церковныхъ, составляющихъ духовенство, а въ шестомъ способѣ опредѣлять для воспитанія искусныхъ учителей, которые могли бы проповѣдывать и дѣлать новообращеннымъ оглашенія. Но чтобъ оглашенія были съ пользою и успѣхами, должно оныя дѣлать не выходя изъ предѣловъ благопристойности. А сіи предѣлы постановлены богоглаголивыми отцами, яко правила, на здравомъ разсудкѣ основанныя, которыя каждый о Богѣ и вещахъ божественныхъ разсуждать хотящій и приемящій на себя званіе учителя, чтобы руководствовать другихъ къ спасительному благочестивна вѣры познанію, долженъ тщательно и благоразумно наблюдать; таковыхъ правилъ божественный Назіанзинъ, въ своемъ противу Евноміанъ разглагольствіи, для всѣхъ богословствующихъ полагаетъ четыре: „Не всѣмъ о Богѣ любомудрствовать, не всегда, не со всѣми, и не о всемъ“ <sup>2)</sup>. То есть *не все* должны дѣ-

<sup>1)</sup> Въ Римл. посл. гл. X, 14.

<sup>2)</sup> Назіанз. слово 33.

даться богословами, ниже во всякое время, не со *всѣмъ*, и не о *всѣмъ*. Первое правило относится до учителей, второе до времени ученія, третье до учащихъся, а четвертое до самаго ученія.<sup>1)</sup>

1) *Не вѣдѣть*. Любомудрствовать о Богѣ не есть дѣло вообще всякаго, или случайно какого—нибудѣ человека: то есть не всякому можно на сѣдалищѣ богословскомъ сидѣть; божественныя и тайныя догматы вѣры толковать, и дерзвать учить ими другихъ, какъ самъ понимаетъ. „Нѣтъ, говоритъ святой отецъ, сіе не есть дѣло всякаго“. Но кому жъ принадлежить сія высокая и важная должность? „Испытаннымъ, отвѣчаетъ онъ, и отличившимся въ знаніи, а наче тѣмъ, которые очищены и душою и тѣломъ“<sup>1)</sup>. Тѣмъ принадлежитъ дѣло сіе, которые не токмо частнымъ упражненіемъ и ревностнымъ и неутомимымъ тщаніемъ въ чтеніи священныхъ книгъ успѣли превзойти другихъ въ знаніи и умозрѣніи, но еще добродѣтелью и безпорочнымъ житіемъ возмogli предпочистить и душу свою отъ мглы мірскаго помраченія и тѣло отъ страстей и плотскихъ порабощеній. Разсматривая же тщательно, которые бы въ семъ случаѣ болѣе были способны, вторыхъ. то есть—провождающихъ жизнь свою безпорочно и по христіански, предпочитаютъ первымъ, и именно, достигшимъ высокаго знанія. Таковыхъ, если бы только было возможно, надлежало бы, по разсужденію нашему, какъ сказали мы въ способахъ пятомъ и шестомъ, опредѣлять для оглашенія уклонившихся въ раздѣленіе, и поставлять, какъ пастырями церквей, такъ и наставниками въ училищахъ; выссокихъ, по пріязнеству умозрѣнія и знанія, и украшенныхъ особливо святостію по добродѣтельному и непорочному своему житію. Однакожъ поелику весьма трудно достигнуть до толикой высоты превосходнаго сего совершенства, а напротивъ въ настоящія наши времена, ибо очень рѣдко и почти невозможно таковыхъ людей сыскать, то снисходя здѣсь подлежащей нуждѣ, если не можно намъ будетъ для обученія вѣры таковыхъ богослововъ найти, какихъ бы мы желали, то по крайней мѣрѣ надобно, чтобъ избираемые къ симъ должностямъ старались, сколько можно, тѣмъ

<sup>1)</sup> Въ томъ-же словѣ.

богословамъ подражать. Ибо, слѣдуя съ надлежащимъ вниманіемъ, осторожностью и благоговѣніемъ примѣры ихъ могутъ съ пользою богословское ученіе въ препорученной имъ огласительной должности употребить. И есть надежда, что таковое ученіе, при помощи Божіей, не останется тщетнымъ, вовсе безплоднымъ и неуспѣшнымъ. По истинѣ, и таковыми не столь достойными орудіями, прославится дѣйствующая православныя вѣры сила. *И буяя міра избра Божь, да премудрыя посрамитъ и немощная міра... да посрамитъ крѣпкая, и худородная міра и уничиженная... и несущая, да сущая упразднитъ* <sup>1)</sup>.

2 *Не всегда*. Изрядно и благоразумно научаетъ Назіанзинъ и здѣсь, что ученіе о Богѣ и Божественныхъ догматахъ не должны богословы употреблять безпрестанно и не прерывая онаго ни въ какое время, но чтобъ было оное ограничено и соразмѣрно. *Не всегда*, говоритъ онъ, и не во всякое время способно и пристойно богословское ученіе и таинства вѣры слушателямъ и оглашаемымъ объяснять. *Не всегда*, но когда-же? Въ нѣкоторые для сего опредѣленные дни и часы; въ нѣкоторыхъ на сей конецъ учреждаемыхъ собраніяхъ; или по встрѣчающейся надобности, или когда поданъ будетъ къ тому поводъ, не по хитросплетенному какому-либо пренію, но предложеніемъ благоразумнаго какого вопроса, при чемъ молчаніе мѣста уже не имѣетъ. Впрочемъ при всякомъ вообще предложеніи достойно пригвѣчанія мудрое оное завѣщаніе, чтобъ *говорить, когда нужно, и молчать, гдѣ прилично*. Что самое особливѣйшаго требуетъ вниманія и наблюденія въ матеріяхъ священныхъ и богодухновенныхъ; и сіе постановилъ правиломъ святой оный мужъ премудро увѣщевая: „говори, когда лучше говорить, нежели молчать; молчи, когда лучше молчать, нежели говорить“ <sup>2)</sup>. Итакъ, для объясненія учащимся священныхъ догматовъ и таинствъ вѣры, о чемъ и предлежитъ намъ здѣсь рѣчь, должно быть способное время то, когда слово Божіе въ священныхъ храмахъ служители церкви проповѣдуютъ всему вообще христіанскому собранію; или когда въ училищахъ въ нѣко-

<sup>1)</sup> Къ Коринт. 1 посл. гл. 1, 27 и 28.

<sup>2)</sup> Назіана. слово 26.

торые положенные часы наставники обучаютъ учениковъ начальнымъ основаніямъ вѣры. Кромѣ сихъ двухъ случаевъ въ другихъ общенародныхъ собраніяхъ, и гдѣ бываетъ стеченіе всякаго рода людей, никто безъ разбору и какъ бы ни случилось, не долженъ и самыхъ извѣстныхъ богословскихъ матерій предлагать; ниже преестественныхъ и таинственныхъ догматовъ вѣры, яко общихъ какихъ-либо повѣствованій рассказывать. Никто, сказалъ я, не токмо изъ мірскихъ, но ниже изъ самыхъ священнослужителей или учителей, коимъ особенно препоручено богословствовать, оглашать и учить. Поелику и сія непрестаннымъ своимъ ученіемъ становятся въ тягость, наводятъ досаду, непріятность, отвращеніе и скуку, хотя и всѣмъ вообще, но наипаче страждущимъ еще недугомъ раздѣленія; и такимъ образомъ бывають несносны, бесполезны, а можно сказать и посильніи достойны, что во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, будетъ ли къ тому поданъ случай, или нѣтъ, вызываются не кстатѣ разсужденія богословскія предлагать, и тѣмъ чрезвычайно слушающихъ, а иногда и не слушающихъ, обременяють и за ними нѣкоторымъ образомъ гоняются, когда тѣ, наскучивъ, отъ нихъ убѣгаютъ. „Не запрещаю богословствовать, прибавляетъ Назіанзинъ тамъ же, но запрещаю дѣлать то безвременно; не запрещаю учить, но запрещаю учить неумѣренно“.

3. *Не со ослми.* То-есть, не всякому вообще, кто-бъ ни случился, безъ различія и безъ разсмотренія, учитель богословія долженъ открывать преестественное вѣры ученіе; но обязанъ тщательно наблюдать и распознавать намѣреніе и расположеніе слушателей, коимъ ученіе предлагать хочется. Многіе приходятъ слушать богословіе не по охотѣ и не по прямому желанію получить себѣ просвѣщеніе, но для препровожденія только времени, и какъ-бы для забавы нѣкоторой, нѣжа свою лѣность, и дабы убить, какъ говорятъ, часъ и время, считая сіе дѣломъ для себя постороннимъ, а потому и слушаютъ то ученіе не иначе, какъ-бы смѣшныя какіе рассказы; но таковымъ, по словамъ святителя Назіанзина, ученій богословскихъ объяснять не должно, кромѣ тѣхъ токмо, которые съ усердіемъ и истиннымъ раченіемъ и единственно для пользы своей стараются обучиться. Тѣмъ,

говорить онъ, ученіе предлагай, которые къ оному прилежать; а не тѣмъ, которые почитаютъ его за пустую забаву <sup>1)</sup>); другіе для слушанія ученій богословскихъ собираются съ гордымъ и тщеславнымъ намѣреніемъ отличить себя отъ другихъ, и показать, что они въ таковыхъ знаніяхъ не совсѣмъ несвѣдующіе люди, а приходятъ изъ любопытства, яко остроумные и высокоумствующіе сихъ преестественныхъ умовѣній изслѣдователи. Но ученіе богословское требуетъ, дабы учащій и учащійся были оба смиренномудрые; смиренномудрымъ же богодуховенный оный отецъ называетъ не того, который о себѣ умѣренно говоритъ, но того, который съ подобострастіемъ и благоговѣніемъ умѣренно говоритъ, или слушаетъ ученіе о Богѣ. „Не тотъ смиренномудръ, кто о себѣ мало говоритъ... но тотъ, кто о Богѣ разсуждаетъ съ умѣренностію“ <sup>2)</sup>). Приходятъ другіе съ намѣреніемъ гораздо страннѣйшимъ; ибо они, вмѣсто того, чтобы учиться, выдаютъ себя за учителей и учителей самыхъ дерзкихъ, входятъ часто въ разныя богословскія изслѣдованія, предлагаютъ сомнѣнія, дѣлаютъ возраженія, и тѣмъ повреждаютъ дерзостно таинства благочестія, которыя требуютъ молчанія и непрекословнаго покоренія. „Они утѣшаются гнусными пустословіями и противоположеніями мнимое знаніе изъявляющими, но пользы никакой не приносящими... Расторгнувъ узы благочестія, о томъ единомъ только помышляютъ какъ бы разрѣшить или сплестъ какое предложеніе“; „которыхъ по сей причинѣ святой отецъ называетъ неискусными и странными мудрецами, которые играютъ одними только словами“ <sup>3)</sup>). Много такихъ замѣтилъ и Феодоритъ, епископъ кирскій, который, въ посланіи своемъ къ Ипатію <sup>4)</sup>), говоритъ: „во первыхъ должно знать, что не всѣ съ намѣреніемъ хорошимъ дѣлаютъ вопросы; ибо иные вопрошаютъ съ намѣреніемъ нечестивымъ и подъ предлогомъ, чтобы съискать на священное Писаніе хулу въ томъ, яко бы или неправо, или противно закону учить...“ Церковь Христова, съ таковымъ

<sup>1)</sup> Тамъ-же.

<sup>2)</sup> Назіана. слово 26.

<sup>3)</sup> Слово 33.

<sup>4)</sup> Въ предисловіи о таинствахъ.

мыслей расположеніемъ приходящихъ, не признаетъ ни за достойныхъ учителей, ни за способныхъ учениковъ; хотя бы увѣряли они о себѣ, что суть изъ числа нашего православнаго, или изъ противнаго, то есть изъ уклонившихся въ унию, общества. Предъ всѣми таковыми отвергать богослову уста, а иначе, когда узнаетъ о развращенныхъ мысляхъ и дерзости ихъ, есть столь же недѣло и недостойно, сколь бесполезно и тщетно, и можно сказать, вредно и пагубно. Сіе все равно, какъ и поврещи святая ясамъ и бисеръ предъ свиньями.

4. *Не о всемъ.* Четвертое Назіанзина для учащихъ богословіи наставленіе есть, чтобы не слишкомъ распространяться во изъясненіи даже и того, что къ сему ученію правильно относится. Не все, говорятъ онъ, подлежитъ изслѣдованію, чему вѣра о Богѣ и о дѣлахъ Его научаетъ; *не все?* Но что-же такое? Отвѣтствуетъ: *То, что мы сами можемъ постигнуть; до какой степени? До такой, сколько слушающимъ можно понять*<sup>1)</sup>; а въ другомъ мѣстѣ своихъ сочинаній<sup>2)</sup>, пространнѣе сей же самый отвѣтъ объясняя, говоритъ: „учащій богословіи умѣетъ однѣ вещи объяснить, другія — открыть, а объ иныхъ отозваться невѣденіемъ“; равнымъ образомъ и слушающій одному долженъ обучаться, о другомъ не спрашивать, а объ иномъ и впредь никогда не надѣяться, чтобъ оное можно было на земли познать.

1-е. Чему же именно, одинъ долженъ учить, а другой учиться? „Непремѣнно тому, безъ чего христіанину быть невозможно; должно знать, что единъ есть Богъ Отецъ, единъ Сынъ, рожденный отъ Отца, и единъ Духъ святой, отъ Отца исходящій и пр. Сіе всякъ долженъ знать, сіе исповѣдовать, и на семъ утверждаться“<sup>3)</sup>. Ибо, какъ христіанинъ, дабы быть и нарицаться прямымъ христіаниномъ, сему непреложно долженъ вѣрить: такъ сему же нужно ему и научиться и на семъ, яко на первыхъ и главнѣйшихъ основаніяхъ своей вѣры, утверждаться. Нужно также знать и прочія высокія богословскія истины, какъ то: о единосущномъ Божествѣ, о

<sup>1)</sup> Тамъ-же, сл. 33.

<sup>2)</sup> Слово 26.

<sup>3)</sup> Назіанз. гдѣ и выше.



пребожественныхъ Онаго лицахъ и о богоначальныхъ происхожденiяхъ; о преестественномъ и неизслѣдимомъ снисхожденiи и смотрънiи, о спасительномъ евангельскомъ ученiи, о преданiяхъ первоначальной церкви, основанныхъ на священномъ писанiи, касательно совершенiя таинствъ и прочихъ священныхъ обрядовъ; вообще сколько, по блаженному Кириллу iерусалимскому<sup>1)</sup>, святыи Духъ благоизволилъ въ богодухновенныхъ о себѣ писанiяхъ открыть, и что творить намъ повелѣлъ. Почему нельзя не удивляться и не похвалить установленiя россiйскаго святѣйшаго правительствующаго Синода, который между прочимъ не оставилъ обратить своего вниманiя и на то, дабы въ училищахъ богословскiя ученiя были преподаваемы не по образу неистовствующихъ латинскихъ наставниковъ, которые, входя необузданно въ странныя, любопытныя и дерзкiя изысканiя, *исчезоша*, по Псаломнику, *испытующи испытанiя*; но чтобъ заключались въ надлежащихъ предѣлахъ: „въ Богословiи собственно учить главнымъ благочестивыя вѣры нашей догматамъ и слову Божию.“<sup>2)</sup> Поелику сiе составляетъ первую часть Назiанзинова онаго раздѣленiя, то есть, самый тотъ предметъ, *который учащiи богословiи умѣетъ изяснить*. Однако учителя и сiе ученiе должны предлагать *догматически* и *положительно*, яко догматы и постановленiя вѣры и богопочитанiя, а не *схоластически* и *разсудительно*, яко умозрѣнiя и правила науки человѣческой; оглашаемые же въ вѣру и учащiеся должны слушать и принимать ученiе *правотѣрно* и *покорно*, то есть, не яко наставленiе какой-либо человѣческому любопытству и испытанiю подлежащей науки, но яко наставленiя Самимъ Богомъ въ Откровенiи для вѣрованiя преданнаго, и которыя требуютъ, чтобъ безпрекословно и съ благочестивымъ души покоренiемъ онымъ вѣрили.

2. Что же учащiи долженъ скрывать? Безъ сомнѣнiя то, что въ богословскомъ ученiи надлежитъ проходить молчанiемъ, или 1), яко для знанiя ненужное, или 2), яко понятiю слушателя несообразное.

<sup>1)</sup> Въ 16 Оглашенiи.

<sup>2)</sup> Въ Реглам. о Ученiи § 7.

1. Не нужно то, что ни въ откровеніи для вѣрованія не предлагается, ни вѣра для спасенія не требуетъ, ни человѣческое любопытство, хотя-бъ оно до сего и достигло, ни малой не приобрятаетъ пользы; да и самое истинное Богопочитаніе таковыя излишества, яко дерзновенныя и слабыя отважнаго ума полеты, возбраняетъ и предосуждаетъ. Каковы суть напримѣръ: какимъ образомъ Богъ, будучи вѣчный Творецъ вѣковъ, во времени создалъ міръ? Для чего въ шесть дней, когда могъ въ мгновеніе? Въ чемъ состоялъ первозданный хаосъ? Какъ по хаосу разлился и возсіялъ первородный свѣтъ? Какъ счислялся дни, когда еще не существовало солнце, сіе *во область днѣ свѣтило*? Какія, какимъ образомъ, гдѣ, и для какой пользы протекають разлитія надъ небесами воды? Когда созданы ангелы? Какимъ образомъ, будучи они безтѣлесны и непричастны вѣщества, занимають мѣсто? Какъ разговаривають они между собою, и какъ можемъ съ ними разговаривать мы человѣки? Какъ отъ Бога отпалъ первый сихъ духовъ начальникъ? Сколько ему въ томъ послѣдовало и кто именно? Какою тотъ плодъ, отъ котораго запрещено было прародителямъ нашимъ вкушать? Какое то пламенное оружіе, съ которымъ приставленъ былъ ангелъ не допускать преступниковъ въ рай? Гдѣ оный рай? Какимъ образомъ первые люди были до преступленія своего безсмертны? И если-бъ они не преступили, то какимъ образомъ человѣческой родъ долженъ бы былъ умножиться? Надлежало ли бы воплотиться Богу, если бы человѣкъ не согрѣшилъ? Для чего спасительное къ востановленію падшаго человѣка смотрѣніе совершилось, спустя долгое время? И не прежде? И не вдругъ? Какимъ образомъ при кончинѣ дѣта совершилось спасительное оное смотрѣніе? И что есть кончина дѣта? Для чего такъ, а не иначе, спасеніе устроено? Какія во искупленіи нашемъ неизреченныя и неизслѣдимыя таинства? Какое и когда будетъ скончаніе міра сего? и пр. и пр. и пр... О таковыхъ, и подобныхъ симъ, предметахъ ни учащійся съ великимъ любопытствомъ распрашивать, ни учащій объ оныхъ толковать не долженъ, ибо они въ самой вещи не нужны.

Святый Осодоритъ въ своихъ огласительныхъ поученіяхъ пред-

лагаетъ таковыхъ три вопроса: 1) „Существовали ли ангелы прежде неба и земли, или кунно съ ними созданы <sup>1)</sup>? 2) Если была земля прежде, то какимъ образомъ она сотворена? 3) Одно ли или два неба“? И предложивъ вопросы сіи, отвѣтствуетъ на первый такъ: „излишними почитаю я таковыя вопрошенія; для чего? для того, что онѣ бесполезны. Ибо какая польза знать о времени, когда созданы ангелы? На второй и третій—весьма безумно о семъ вопрошать“.

Подобнымъ образомъ и въ Новомъ Завѣтѣ, когда ученики спросили Христа: *Господи! аще въ мѣсто сіе устроиши царствіе Израилево?* <sup>2)</sup>. Какъ небесный оный учитель отвѣтствовалъ имъ? *Нѣсть ваше разумѣти времена и мѣта, яже Отець положи въ своей власти. И Петру вопрошившему о Іоаннѣ: Господи! сей же что?* <sup>3)</sup>. Какой отвѣтъ далъ? Никакого; *аще хошу, да той пребываетъ, дондеже прииду, что къ тебѣ?* Сіи вопросы были удобо постижимы и кончатія вопрошавшихъ не превышали, если бы вопрошаемый разсудилъ за благо на оныя имъ отвѣтствовать; но какъ они были излишни, то и остались безъ рѣшенія. Итакъ, если входить въ изслѣдованіе излишняго едва позволяется и тѣмъ, которые отличали себя предъ другими и знаніемъ и дѣлами; и если слышаніе онаго возбраняется самымъ даже апостоламъ, то какъ можно дозволить, или богословамъ нашимъ пространно о томъ въ своихъ наставленіяхъ толковать, или учащимся у нихъ съ великимъ любопытствомъ о томъ разсиранивать? Ибо какой отъ первыхъ можетъ быть плодъ, а вторымъ польза? Довольно для вѣрныхъ знать вообще вышереченные оныя члены и ученія благочестиваго нашего исповѣданія, и вѣрить онымъ такъ, какъ онѣ весьма ясно открыты, и чрезъ то изъявляя должное къ Богу, благоизволившему ихъ открыть, повинновеніе назидать свою вѣру, которая въ пути сей жизни будетъ, яко запасъ благой надежды, а для будущей, яко достойный спасенія залогъ, и вѣрный обѣтъ чаемаго воздаянія.

<sup>1)</sup> На бытіи вопр. 3, 5 и 11.

<sup>2)</sup> Дѣян. гл. 1, 6, 7.

<sup>3)</sup> Іоан. глав. послѣдн. стр. 21, 22.

2) Между реченными и другими многими, какъ изъ Ветхаго, такъ и изъ Новаго Завѣта, предлагаемыми вопросами, есть и такіе, которые хотя сами по себѣ и не совсѣмъ излишни, но въ разсужденіи недовольной способности и знанія вопрошающихъ или слушающихъ понятію ихъ несоразмѣрны, а потому и онѣ относятся къ тѣмъ же богословскимъ предметамъ, которые, по словамъ Назіанзина, долженъ учитель скрывать.

Нѣтъ сомнѣнія, что учащіеся не всѣ равно способны понимать и разумѣть одно и то же ученіе. Одни другихъ бываютъ совершеннѣе, одни прилежны и остроумны, другіе лѣнны и тупы; тѣ могутъ понять и самое высокое, а сіи едва и самое низкое. Итакъ, учащій долженъ сообразоваться съ ними, и при однихъ возвышаться и распространять свое ученіе, а при другихъ снисходить и сокращать оное, для однихъ быть изобилень и щедръ, а для другихъ скуденъ и бережливъ, раздѣляя, яко добрый строитель мѣру духовной нищи, соотвѣтственно понятію cadaго.

Древніе іудейскіе равнины въ ученіи своемъ поступали такимъ образомъ: они ученикамъ своимъ объясняли всѣ прочія священнаго Писанія книги, кромѣ слѣдующихъ четырехъ: 1) *первыхъ главъ Бытія*, гдѣ описывается сотвореніе свѣта; 2) *первыхъ же главъ пророчества Іезекіиля*, гдѣ повѣствуется о херувимахъ, 3) *и послѣднихъ, при концѣ его пророчества*, гдѣ изображается созданіе храма; 4) *Пѣсни пѣсней*, книги исполненной таинственной высоты и умоврѣнія. Сіи книги предоставляли они къ концу ученія для понятнѣйшихъ и способнѣйшихъ. Свидѣтельствуютъ о семъ мудрый Оригенъ и святой Іеронимъ, означая даже и самое время возраста, въ которомъ равнины принимали къ себѣ для наученія, а именно на двадцать пятомъ, или тридесатомъ году, поелику въ сихъ лѣтахъ почитались способными, и принимаемы были и къ священному во храмѣ служенію <sup>1)</sup>. Сей древній іудеевъ законъ похваляетъ и часто упоминаемый нами Григорій Богословъ, говоря: „не во всякомъ возрастѣ можно позволять читать всѣ книги священнаго Писанія, ибо сіе не полезно, поелику не все въ оныхъ

<sup>1)</sup> Въ предисловіи на разсужденіе о Пѣсни Пѣсней; въ писаніи къ Павлину и въ предисловіи: на Іезекіиля къ Евстахію.

можетъ быть вдругъ всякому понятно, и чѣмъ больше которое мѣсто не вразумительно, тѣмъ болѣе можетъ оно повредить; но въ которыхъ слогъ удобопонятнѣе, тѣ позволять съ самаго начала читать всѣмъ, и онѣ должны быть общи; а гдѣ въ простыхъ словахъ скрывается таинственный смыслъ, тѣ не прежде позволять читать, какъ по истеченіи уже двадцати пяти лѣтъ<sup>1)</sup>. Назіанзинъ, похваляя сей раввинскій законъ, почитаетъ его и для насъ христіанъ достойнымъ подражанія. „Надлежитъ и намъ положить законъ, какой древніе мудрые іудеи имѣли; есть книги въ священномъ Писаніи, коихъ несовершеннаго возраста людямъ читать позволять неможно“<sup>2)</sup>. Почему согласно съ нимъ и небожавенный Василій совѣтовалъ своему ученику Хилону „не пренебрегать чтенія, а наипаче Нового Завета, ибо отъ чтенія Ветхаго многоряды бывалъ вредъ“<sup>3)</sup>. Таковое наставленіе сдѣлалъ учитель своему ученику, судя по его понятію.

По истинѣ и самое священное Писаніе не все то намъ предложило, что можно бы предложить, но иныя свѣденія предоставило будущей блаженной жизни, которыя удостоившимся оной и открыты будутъ столько, сколько, какъ говоритъ Писаніе, *узнымъ они будутъ Самимъ Богомъ*; да и то, что предлагаетъ, не равно для всѣхъ предлагаетъ. Павелъ, восхищенъ будучи да третьяго неба, *слышалъ неизреченныя глаголы, ихъ же не мѣтъ естъ чловѣку малолати*, слѣдовательно и слышати. Итакъ, вообще всякъ вѣрный, не будучи такимъ образомъ восхищенъ и, не удостоившись такового откровенія и видѣнія, долженъ оставаться спокойнымъ, утверждаясь вѣрою единственно на тожъ, что священное Писаніе ему открываетъ; оно есть небесное врачество немощныхъ, пристойно по недугамъ ихъ врачующее, и кунно небесная книга соразмѣрно каждому понятію ученіе предлагающая. „Обыкновенно Писаніе соразмѣряетъ по учащимся свое ученіе; и совершеннымъ предлагаетъ совершенное, несовершеннымъ же—первоначальное и силъ ихъ

<sup>1)</sup> Назіанз. въ защитительномъ своемъ словѣ.

<sup>2)</sup> Сл. 26, о благопрістойности въ разглагольствіяхъ.

<sup>3)</sup> Писаніе 42.

сообразное“<sup>1)</sup>). Находятся нѣкоторыя мѣста отлогія, ровныя и удобныя для шествующихъ въ пути божественныхъ Писаній и другихъ священныхъ книгъ; есть же иныя гораздо труднѣе, не столько приступны и неудобъ проходимы; гдѣ встрѣчаются камни, возвышаются горы, открываются стремнины, разверзаются пропасти, *восходятъ горы и нисходятъ поля*. Путешественникъ долженъ здѣсь помыслить, силенъ ли онъ, или безсиленъ; а еще болѣе должно разсматривать вождю силу, или безсиліе, водимаго иждъ, и такимъ образомъ руководить его, или по низкой, или по высокой стезѣ; къ ученію. „*Горы высокія елемень, камень приближище зацемъ*“<sup>2)</sup>).

Кто первый и единый истинный есть учитель? *Единъ есть вашъ учитель Христосъ*<sup>3)</sup>. Итакъ Онъ намъ, которые называемся: *равви, равви*, подавъ Собою таковой образъ и пригѣръ; когда приступаемъ мы учить другихъ. Онъ располагалъ Свои ученія, по силѣ и способности слушающихъ. „*И глагола народамъ притчами мною*“<sup>4)</sup>, а сказанное другими притчами ученикамъ своимъ объяснялъ особо, говоря: „*вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго, онымъ же не дано*“<sup>5)</sup>. Иногда же не только и самихъ учениковъ не удостоивалъ на вопросы ихъ отвѣта, но еще и укорялъ за то: *Нѣсть ваше разумѣти и пр.*<sup>6)</sup>, отлагая свое объясненіе до того времени, какъ получать они для уразумѣнія силу; *но примите силу, нашедшу Святому Духу на вы; и какъ будутъ въ состояніи ученіе его понимать мною имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ*<sup>7)</sup>. Съ таковыми же благоразуміемъ поступалъ и Павелъ, языковъ учитель, съ коринтянами: ибо видя, что они порабощены еще недугу плоти, заблагоразсудилъ питать ихъ, яко юныхъ дѣтей, вѣжвѣйшею пищею первоначальныхъ основаній вѣры, а не твердою выс-

<sup>1)</sup> Феодоритъ на Бытіе вопросъ 1.

<sup>2)</sup> Псаломъ С. III.

<sup>3)</sup> Мате. гл. XXIII, 8, 10.

<sup>4)</sup> Мате. гл. XIII, 3.

<sup>5)</sup> Мате. гл. XIII, 11.

<sup>6)</sup> Дѣян. гл. 1, 6, 7.

<sup>7)</sup> Іоан. гл. XVI, 12 и пр.

шихъ ученій приличною мужамъ благодатию. *Братіе, не могазъ вамъ плаюлати, яко духовнымъ, но яко плотнымъ, яко младенцемъ о Христѣ, млекомъ вы напоизъ, а не брашномъ. Ибо не у можасте, но ниже еще можете нынѣ. Еще-бо вы плотстии есте* <sup>1)</sup>). Такогово благоразумнаго во ученіи порядка должень держаться всякій, кому препоручается наставлять другихъ въ вѣрѣ. Итакъ, отсюда явствуетъ, что учитель богословіи иное, какъ говоритъ Назіанзинъ, должень объяснять, другое скрывать, что и составляетъ двѣ части его предложенія. Приступимъ къ третьей.

3-е. Есть еще предметы, о коихъ богословъ должень отъзваться незваніемъ, и учащемуся сказывать, чтобъ онъ объ нихъ не вопрошалъ и не надѣялся, чтобъ можно было въ сей жизни узнать ихъ. Таковы суть всѣ таинственныя, человѣческой разумъ и понятіе превышающіе догматы, коихъ причина неизвѣдима, и изъясненіе невозможно. Что они истинны, сіе неоспоримо; почему же неизреченны, сіе непонятно; слѣдственно, при разсужденіи объ оныхъ, рѣченія сія, какъ и почему, отнюдь неизвѣстны; ибо по блаженному Златоусту <sup>2)</sup>, *онѣ превосходятъ разумъ и требуютъ токмо стры*. Возьмемъ, напримѣръ, между прочимъ догматъ о приснопоклоняемомъ нами троичномъ и купно единомъ Божествѣ; догматъ, который болѣе, нежели надлежало, будучи толкуемъ, произвелъ толико богоборныхъ ересей, а напоследокъ и латинское оное неправое ученіе, подавшее поводъ къ раздѣленію. Существо началородное едино! Ипостасей богочальныхъ три! Лиць, соприснесущихъ въ единомъ нераздѣлимомъ существѣ, три! Начало и отъ начала происходящія собезначальны! Инъ есть Отець; инъ есть Сынъ, и инъ есть Духъ Святой, а не иное. Отець рождаетъ, и для того Отець самъ не рожденъ; Сынъ отъ Отца рождается, и для того Сынъ рожденъ. Духъ отъ Отца не рождается, но исходитъ, и для того Духъ не есть Сынъ, по происхожденію отъ Отца. Реченія все съ тѣснымъ и ограниченнымъ человѣческимъ разумомъ несоизвѣстныя. Слышанія странныя, невразумительныя и непостижимыя! Какъ сіе? И какъ другое? *Слышишь рожденіе? не любопытствуй*

<sup>1)</sup> Коринѣ. гл. III, 1, 13.

<sup>2)</sup> Бесѣда 4-я на разсужденіи о писаніи къ Коринѣянамъ.

какимъ образомъ. Слышишь происхожденіе Духа отъ Отца? не изслѣдывай, какимъ образомъ. Такъ говорилъ одинъ изъ наилучшихъ церковныхъ учителей <sup>1)</sup>. Снѣ догматажъ благочестивый съ послушаніемъ вѣруетъ; злочестивый съ дерзостію оныя отвергаетъ; православный и разумный богословъ исповѣдуетъ, что оныхъ, яко неизслѣдимыхъ, не понимаетъ; отважный и дерзкій, или лучше сказать, несмысленный и безумный о Богѣ мудрствователь, яко человѣческія нѣкія мудрованія, ихъ толкуеть, и любопытно изслѣдываетъ, какъ отъ Отца рождается Сынъ? И какъ отъ того же Отца исходитъ Святыи Духъ? Въ семъ случаѣ равно неистовствуетъ и безумствуетъ, какъ вопрошающій, чтобы узнать, такъ и отвѣчающій, чтобы истолковать. *Родъ того, кто исповѣсть, и исхожденіе сего кто изяснитъ?* <sup>2)</sup> Скажи мнѣ, говоритъ Богословъ къ сумазбродному и безумному таковыхъ догматовъ изслѣдователю Евномію <sup>3)</sup>, „скажи ты мнѣ нерожденіе Отца, а я изясню тебѣ рожденіе Сына и исхожденіе Духа, и такимъ образомъ впадемъ оба въ совершенное сумазбродство, стараясь слишкомъ проникать въ сокровенныя Божія тайны. То есть помѣшается у обоихъ насъ умъ. И подлинно помѣшанъ у тѣхъ умъ, которые позволяютъ своему разсужденію испытывать то, чего ни конемъ образомъ невозможно понять, развѣ только вѣрую, какъ говоритъ божественный Златоустъ <sup>4)</sup>, *весьма глупо позволять своему разсужденію изыскивать то, чего никакъ нельзя сыскать развѣ вѣрую.*

Согласно съ Назіанзиномъ и Златоустомъ отрекаются отъ такового безумнаго и неистоваго изслѣдованія и прочіе всѣ богоглаголивныя церкви отцы и восточныя и западныя; почему и священный Августинъ <sup>5)</sup> говоритъ: *distinguere inter illam generationem et hanc processione[m] nescio, non valeo, non sufficio* т. е. *сдѣлать различіе между рожденіемъ Сына и исхожденіемъ Святаго Духа, я не знаю, не могу, и не достае[тъ] моихъ силъ.*

<sup>1)</sup> Нав. сл. 29.

<sup>2)</sup> Исаи, гл. LIII, 8.

<sup>3)</sup> Слово 37.

<sup>4)</sup> Въ бесѣд. 5, разсужд. къ Коринѳянамъ.

<sup>5)</sup> Книги 3, противъ Максима, гл. 14.



Но ты скажешь: для чего жъ мнѣ вѣрить тому, чего я не понимаю? и для чего требуется отъ меня вѣра вещей, толь непостижимыхъ? Для того, что здѣсь разсуждается не о человѣческихъ вещахъ, но о божественныхъ догматахъ, не о наукахъ, для которой нужно *познание*, но о *вѣрѣ*, для которой нужно *послушание*. А таковой вѣры требуетъ отъ тебя правильно, дабы ты съ своей стороны откровенныя свыше сія непроницаемая тебѣ тайны, признавая съ благимъ изволеніемъ, изъявлялъ чрезъ то Богу и Творцу своему истинное почитаніе, и приобучалъ себя къ должному закону Его повиновенію: чтобъ сіе истинное почитаніе и повиновеніе были тебѣ залогомъ издѣлываній и надежною порукою спасенія. Кратко сказать: тайнства предлагаются тебѣ, чтобы ты твердо имъ вѣрилъ, ибо онѣ суть главныя въ настоящей жизни основанія, на которыхъ утверждается надежда о приобрѣтеніи блаженства въ ожидаемой нами будущей жизни. Предлагаются, повторяю я, чтобъ ты имъ твердо вѣрилъ, а не любопытно оныя испытывалъ. „Итакъ; памятуя, что тебѣ повелѣно, не любопытствуй о самосущи Отца, виновномъ существе Единороднаго Сына, о славѣ и силѣ Духа, о единомъ въ трѣхъ лицахъ божествѣ и сіяни, нераздѣльномъ по естеству, по исповѣданію, по славѣ и по надеждѣ вѣрующихъ“<sup>1)</sup>. Прими ты усердно и сохраняй твердо исповѣданіе сіе съ обыкновенною простотою, какъ ты сначала, воспитанъ будучи въ церкви, научился оному вѣрить. „Держись правилъ, въ которыхъ ты воспитанъ; пускай суетятся чрезъѣрно любопытствующіе, желая въ таковыхъ разсужденіяхъ быть умнѣе тебя“. Предоставь сіе разумнѣйшимъ. Пускай стараются они достигнуть непостижимой высоты, ты пребывай въ предположенныхъ тебѣ предѣлахъ. Они умудряются создать столпъ, дабы взойти на небеса, а ты согласишься, пока находишься на землѣ, утверждаться на предрѣченныхъ основаніяхъ. „Довольно для тебя основанія“.

При томъ сохраняй и сіе прекрасное и преспасительное правило, котораго держался блаженный Кирилль Іерусалимскій, изъясняя тайнства вѣры въ своихъ огласительныхъ поученіяхъ<sup>2)</sup>. О

<sup>1)</sup> Назіанв. сл. 26.

<sup>2)</sup> Огласен. 16.

Святомъ Духъ, какъ онъ учить, должны богословы говорить только то, что написано, а не написаннаго не надлежитъ любопытно изслѣдовать. „Духъ Святой, глаголавый въ Писаніяхъ, открылъ о себѣ столько, сколько благоизволилъ; итакъ, должно о Немъ вѣщать только то, что Самъ Онъ повѣдалъ; чего же Онъ нигдѣ не изрекъ, того говорить да не дерзаемъ“. Кто преступаетъ благоразумное и справедливое сіе предписаніе, которое по истинѣ можно назвать правиломъ вѣры, то должно ли такового назвать вѣрнымъ и православнымъ?

Но если бы и не доставало святыхъ отцевъ предписаній, воображающихъ о преестественныхъ вѣры догматахъ и таинствахъ излишно испытывать; то, въ разсужденіи сего самаго, не сильны ли удержатъ благочестиваго ученика и учителя собственныя чувствованія слабости боязливыхъ своихъ разсужденій и погрѣшительныхъ заключеній? Я не могу понять, что мыслить сіи превысшренніе и выше облаковъ и звѣздъ воздымающіеся Аквинаты, Скоціи <sup>1)</sup>, Ангельмы, Бернарды и прочіе схоластико-неистовствующіе богословы, когда чрезъ свои бредни хотятъ, наприимѣръ, сдѣлать намъ разумительнымъ непостижимый способъ, которымъ Духъ Святой отъ Отца исходитъ? Я поистинѣ недоумѣваю и удивляюсь, почему они, не внемля слову Самого Господа, Который явственно открылъ намъ во евангеліи сими словами, *Духъ отъ Отца исходитъ*; и отвергая Богомъ собранные вселенскіе соборы, которые слово отъ слова внесли просто въ священннй символъ догматъ сей, дерзаютъ сами собою рѣшительно излагать догматы, и силятся разными хитросплетенными и странными доказательствами увѣрять насъ, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына. Удивляюсь, какъ дерзнули они привнести въ священннй соборннй церкви символъ новое сіе *прибавленіе*, о коемъ нигдѣ въ священномъ писаніи не упоминается? Удивляюсь также и тому, какъ не отважились они внести того же самаго прибавленія и въ святое евангеліе? Ибо изъ евангелія взято и внесено въ символъ изреченіе сего догмата. Почему, если *оное*

<sup>1)</sup> Разумается Дунсъ Скотъ, doctor subtilis, одинъ изъ знаменитѣйшихъ средневѣковыхъ схоластиковъ, ск. въ 1308 г.

*прибавленіе* имѣть жѣго въ символѣ, равно можетъ безъ сомнѣнія имѣть и въ евангеліи; они говорятъ, что сіе не есть *прибавленіе*, но только прибавленное изъясненіе, или *прибавленіе* ко изъясненію. А я паки и паки удивляюсь и удивляться не перестану; 1-е какъ они не стыдятся говорить, что *прибавленіе не есть прибавленіе*? 2-е. Но если и по мнѣнію ихъ положить, что сіе прибавлено для изъясненія, то удивляюсь, какъ держатъ они изъяснять неизъяснимое, толковать неистолкуемое, изслѣдовать неизслѣдимое, и вразумлять человѣка въ то, что ему, если только онъ разума своего не лишился, вовсе непостижимо, въ то, что христіанину предлагается единственно для вѣры и спасенія, какъ и всѣ прочіе христіанскіе догматы и таинства, понятіе превышающіе.

Но пускай они говорятъ, что хотятъ, я сознаю мое безсиліе, почему и удерживаюсь, смиряюсь и ужаюсь *окаянный азъ, нечисты устны имыи* <sup>1)</sup> отверзать уста, двигать языкъ и дерзновенно таковыя тайны испытывать. Итакъ, преклоняясь и падая до лица земли, восхваляю и величаю Господа. *Благословлю Господа, вразумившаго мя* <sup>2)</sup>. И благодарю, что Духъ Святой, столько благоизволилъ о Себѣ мнѣ открыть, сколько восхотѣлъ, и сколько, буде истинно вѣрить стану, для спасенія моего довольно. „Если же, когда я *окаянный*, осуетившись, *искусихъ сія въ мудрости; рѣхъ, умудрихся*, позналъ тотчасъ, что и мудрость оная *удалися отъ мене далече, паче кеже бѣ: и рѣхъ: бездны глубина, кто обрящетъ ю?*“ <sup>3)</sup>. Для сего то поистинѣ ужаюсь и трепещу, обративъ умственныхъ мои очи на тотъ густой мракъ, и не осмѣливаюсь далѣе прикоснуться оной дымящейся горы. Хотя бы назвалъ кто за сіе меня и *скотомъ*, нѣтъ нужды. Я всегда оставусь недвижимъ предъ сею бездною, предъ сию пространныиъ моремъ, и не полагаюсь отнюдь на мою силу, чтобъ можно мнѣ было самому собою оное пройти. Я повинуюсь здѣсь вождю моему отъ Бога мнѣ данному, и слѣдую пѣшій по стезяхъ его, да избавлюсь по-

<sup>1)</sup> Псалм., гл. VI, 5.

<sup>2)</sup> Псалм XV, 7.

<sup>3)</sup> Екклес. гл. VII, 23, 24.

топленія волнъ; я внимаю боговидцу Моисею, и стоя издали приѣмлю богописанныя скрижали, какъ бы ни были оныя написаны; и поелику Моисей, *возложи на лице свое покровъ* <sup>1)</sup>, дабы не попрачить слабаго зрѣнія моего: то закрываю и я зѣницы очей моихъ; смотрю столько, сколько позволено мнѣ смотрѣть, и приклонивъ главу, повибуюсь во всемъ, что онъ мнѣ ни повелѣваетъ.

Съ таковыми души расположеніемъ, я излишними почитаю всѣ состязательныя о догматахъ богословскихъ словопренія, производящія одинъ только пустой шумъ. Дерзкій богословъ и послѣ оныхъ остается по большей части въ своемъ мнѣніи; суемудрый же и непреклонный слушатель въ своемъ предразсужденіи, а простой христіанинъ безъ всякой пользы для своей вѣры. Довольно выше сего и разсужденіемъ и опытами доказано, что сіи распри безполезны, а иногда и вредны; и что философическія о таинственныхъ членахъ вѣры хитросплетенныя пренія и состязанія никогда не споспѣшествовали миру и соединенію церкви. Соборы, словесныя распри и письменныя возразительныя сочиненія оказались тщетными, и по справедливости должны онѣ всегда быть таковыми, когда при разсужденіяхъ о вѣрѣ присутствуетъ не Духъ Божій, но духъ міра сего; почему и мы не должны просто и безъ разсмотрѣнія сему ложному и обманчивому духу вожденію слѣдовать, а должны утверждаться на истинномъ словѣ Божіемъ, которое въ священномъ писаніи намъ открыто, и на преданіяхъ, соборною православною Церковію содержимыхъ.

Отъ начала христіанскаго благочестія до настоящаго времени протекло почти восемнадцать столѣтій; изъ сихъ въ первыя девять обѣ церкви восточная и западная содержали ненарушимо всѣ существенныя и главные догматы вѣры, пребывая между собою въ мирѣ, благоустроеніи и соединеніи. Въ оставшейся же половинѣ попущеніемъ Божіимъ возникло жалостное и гибельное раздѣленіе, по которому, одна отъ другой отторгнувшись, состоятъ понынѣ, увы! не въ союзѣ. Прекращеніе сего раздѣленія есть единое изъ главнѣйшихъ и вождедѣннѣйшихъ благъ, о коихъ ежедневно и еже-

<sup>1)</sup> Исход. гл. XXXIV, 33.

часно православная наша Церковь возсылаетъ къ Богу мира усердныя свои молитвы, прося: *о благосостояніи святыхъ Божиихъ церквей, и соединеніи оныхъ.*

Для сего соединенія восточная церковь всегда съ усердіемъ простирала и нынѣ простираетъ свою десницу, и призываетъ. и проситъ, и молить возмутившуюся, всегда надмѣвную, кичливую, а часто и ссорящуюся сестру свою, желая всеусердно вступити съ нею въ согласіе и единомысліе, а дабы споспѣшествовать возжеланному сему соединенію, то какъ прежде въ разныя времена справедливо предлагала, такъ и нынѣ для исцѣленія сего пагубнаго раздѣленія, предлагаетъ способъ законный и кунно удобный; какой же? слѣдующій.

Да согласимся всѣ мы вѣрные содержать единодушно и безпрекословно догматы вѣры такъ, какъ содержали ихъ благочестивые первыя до раздѣленія вѣковъ христіане. Пускай и греки, и латины, яко братія, согласятся имѣть тѣ только одни догматы, которые въ первыя сихъ вѣкахъ были предложены, изслѣдованы и установлены, а не послѣ возникли и вновь введены. *Да не предлагаемъ предѣлъ вѣчныхъ, яже положиша отцы наши* <sup>1)</sup>. Пускай и тѣ другіе единодушно скажутъ; если бы кто сталъ намъ говорить другое, нежели что благоговѣствовали богодухновенные проповѣдники..., *хотя бз то и ангелъ былъ съ небесъ, анаѳема да будетъ.* Если такъ согласно будемъ мыслить, соединеніе утвердится. Если станемъ мы и сами истинно исповѣдывать, и другимъ сіи догматы предлагать тѣми же выраженіями, тѣми же словами. въ томъ же смыслѣ и намѣреніи, безъ хитросплетенныхъ прекословій, безъ дальнихъ испытаній, безъ дерзновенныхъ объясненій, яко непостижимые, и единственно для вѣры, а не для любопытства намъ открытые, какъ содержала и предлагала ихъ единая, святая, соборная и апостольская Церковь, то разномысліе и разногласіе престанетъ и раздѣленіе исчезнетъ.

Какую отговорку могутъ имѣть латины или мыслящіе съ ними

<sup>1)</sup> Притч. гл. XXII, 28 и 23, ст. 70.

согласно, что, на основаніи толь сираведливаго нашего предложенія, не хотять склониться къ мирному съ нами соединенію и содержать одинаковую съ нами вѣру. Не ясно ли видно, что прежде, нежели родились дерзновенныя и излишнія сіи изысканія, всё вообще христіане исповѣдывали едиными устами и единымъ сердцемъ, что *Святый Духъ отъ Бога Отца исходитъ*? Не читаемъ ли мы отъ слова до слова догматъ сей, Самимъ Спасителемъ ясно въ священномъ евангеліи тако изложенный? Не утверждень ли онъ торжественно и опредѣлительно въ самомъ символѣ вѣры, всѣми вселенскими семью соборами, которые и самая западная церковь почитаетъ и приѣмлетъ? Развѣ не вѣдаютъ они, что въ первыхъ тѣхъ восьми или девяти по Рождествѣ Христовѣ вѣкахъ, прародители ихъ такъ злочестиво не мыслили, и что божественныя церкви ихъ учителя, Кириіаны, Августины, Іеронимы и пр. ни сами не заблуждали. ни другихъ въ заблужденіе не приводили, а содержали догматы право? Развѣ была надобность, чтобы или испанскій король Рекаредъ, или французскій король просвѣтили всемірную Христову Церковь, яко бы во мракъ столько лѣтъ погруженную и, въ разсужденіи главнѣйшихъ благочестія догматовъ, ослѣвленную и погрѣщающую? Развѣ была надобность, чтобы или Берnardъ, епископъ воржскій или Тесса иціенскій, или Адахардъ корбіенскій, ископали оную руду и извели драгоцѣнное нововведеннаго сего догмата сокровище, то есть, *исхожденія Святаго Духа и отъ Сына*? Сокровище издревле будто сокрытое, и самой западной церкви дотоле неизвѣстное, какъ говорили они сами, будучи отправлены къ папѣ Льву III-му послами отъ незнатнаго, и притомъ безъ его вѣдома бывшаго въ Аквисгранѣ собора? Да развѣ и папа сей принявъ за истину дерзостное оное аквисгранское нововведеніе? Не смутился ли онъ, услышавъ новоявившееся такое прибавленіе, и не возбранилъ ли строго, яко нововведеніе странное и до того неслыханное? Не онъ ли приказалъ сдѣлать двѣ серебряныя доски и написать на одной изъ нихъ языкомъ греческимъ, а на другой римскимъ символъ безъ прибавленія, дабы неизмѣнно сохранить во всё вѣки древнее и истинное Церкви сокровище не въ скудельныхъ, но въ серебря-

ныхъ сосудахъ? И немного спустя, послѣ Льва, папа Іоаннъ VIII-й не осудилъ ли собороужь дерзнувшихъ слѣдовать прибавленію, яко преступниковъ, нарушителей и разорителей предавнаго Самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ о Святомъ Духѣ ученія? И не съ предателемъ ли Іудею сравнивалъ память ихъ? Но другой, послѣ Іоанна, въ серединѣ XIII-го столѣтія бывшій папа Александръ IV-й чрезъ посольство Еввріана не позволилъ ли грекамъ всенародно въ церкви читать символъ безъ прибавленія, то есть, что Духъ Святыи исходитъ отъ Отца, какъ и понинѣ они читаютъ?

Я знаю, какъ отвѣчаютъ они на сіе, они говорятъ, что Левъ, по нѣкоторымъ неизвѣстнымъ причинамъ, иное писалъ, а другое мыслилъ; Іоаннъ же, или обольщенъ былъ, яко женщина (чѣмъ подалъ поводъ къ сочиненію смѣшного о папессѣ Іоаннѣ повѣствованія), или склонился по политическимъ причинамъ, мечтая чрезъ то приобрѣсть болгарскую область, а Александръ позволялъ грекамъ въ своихъ церквахъ имѣть символъ безъ прибавленія только устами, въ сердцѣ же обязывалъ вѣрить иначе. Странныя, по истинѣ чудныя, удивительныя, посмѣянія, или лучше сказать, слезъ достойныя таковыя уловки! Увы! Папы иное, въ разсужденіи догматовъ, мыслятъ, а другому слѣдуютъ. Папы въ существеннѣйшихъ вѣры членахъ, или обманываются, или ухищряются? Папы позволяютъ въ догматахъ лицемѣрить и непускаютъ провозглашать въ церквахъ ересь и богохуленіе, когда исхожденіе Святаго Духа токмо отъ Отца почитается у нихъ богохуленіемъ и ересью? Что на сіе можно сказать? То, что латины весьма худо себя оправдываютъ, когда таковыми отвѣтами хотятъ защищать содержимый ими догматъ. Или, что весьма худое имѣютъ о своихъ папахъ мнѣніе, почитая впрочемъ ихъ безгрѣшными, и почти обоготворяя. Вотъ, что могутъ они о вышереченныхъ трехъ папахъ достовѣрнаго сказать. Левъ, по невѣжеству своему <sup>1)</sup>, совращенный

<sup>1)</sup> Поведеніе Льва III въ этомъ дѣлѣ опредѣлилось ближайшимъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что инициатива относительно прибавленія *filioque* къ символу шла отъ государственной власти, именно отъ Карла Великаго, и слово это по его волѣ было включено въ символъ франкскою, нѣмецкою и частью

велеречивымъ посланниковъ Карловыхъ витійствомъ; началъ сперва нѣсколько сомнѣваться, нѣтъ ли чего истиннаго въ семъ новомъ ученіи; но вскорѣ постѣ одумался, видя, что сей догматъ и издревле всѣми вообще содержимъ непарушимо, почему и опирался на серебряныхъ оныхъ своихъ скрижалѣхъ, яко летающіе журавли или морскіе ежи на камнѣ, пока не утихнетъ аквисгранскій вѣтръ и буря, французскимъ еоломъ сильно раздуваемая; Іоаннъ же оказалъ свое малодушіе и былъ подстрекаемъ корыстолюбиемъ, желая, яко папа, простерть и на самую Болгарію, вновь тогда христіанство принявшую, державы папской права; однако жъ подписанные и самимъ имъ чрезъ посланниковъ своихъ утвержденные на восьмомъ въ Царѣградѣ (879 года) бывшемъ соборѣ догматы, содержалъ истинно, въ чемъ оставшееся отъ него посланіе не позволяетъ намъ сомнѣваться. А Александръ вѣрилъ ли тому догмату, или не вѣрилъ? Такъ ли, или какъ? Зналъ ли тошъ самъ онъ и его совѣсть. Однако извѣстно, что онъ, будучи любовначаліемъ омраченъ, не могъ предвидѣть, сколько снисхожденіемъ своимъ грекамъ уступилъ, позволивъ имъ провозглашать въ Церкви догматъ, который самъ онъ осуждалъ или не осуждалъ? омраченъ

---

итальянской церкви (Аквилейской патриархіей) безъ предварительнаго соглашенія съ папою, а по подражанію Исламской церкви, которая на Толедскомъ соборѣ 589 г. приняла оное въ обще церковный символъ тоже въ угоду свѣтской власти (иоромю Реккареду). Папа не могъ допустить такой инициативы свѣтской власти въ дѣлахъ церковныхъ безъ ущерба для своего собственнаго авторитета. Но съ другой стороны, онъ не могъ стать и въ открытую оппозицію съ западнымъ императоромъ и западными церквами, примкнувшими къ послѣднему въ этомъ вопросѣ. Вслѣдствіе прекращенія политической зависимости Рима отъ Византіи въ 754 г. и восстановленія западной Римской имперіи въ 800 г. судьбы папства не разрывно связывались съ судьбами западнаго христіанства. Въ частности развитіе папской власти на востокѣ встрѣчало себѣ неодолимые препятствія въ стрѣхъ и преданіяхъ какъ восточной имперіи, такъ и церкви, тогда какъ на западѣ въ союзъ съ новой имперіей могли открываться ей самыя заманчивыя перспективы. Вотъ почему Левъ III занялъ въ этомъ вопросѣ среднее положеніе: соглашаясь съ западными церквами въ ученіи объ исхожденіи св. Духа и *отъ Сына*, онъ хотѣлъ въ тоже время сохранить согласіе съ восточными въ томъ, что прибавлять этого слова не слѣдуетъ. Это положеніе его преемники удерживали до начала XI в. нав до папы Бенедикта VIII (1012—1024), когда, по болѣе вѣроятному предположенію *filioque* впервые было внесено въ символъ Римской церковью. *Ред.*



былъ, говорю я, потому что, стараясь только имѣть верховную въ Церкви власть, не думая, какое страшное оружіе давалъ восточнымъ противу самого себя. *Велий Господь нашъ и вселія крѣпость Его и разума Его нѣсть числа... разсыпа гордыхъ мыслию сердца ихъ!* Валаамъ и противъ даннаго ему повѣщанія пророчествуетъ; истина, и гонима будучи, побѣждаетъ, и сокрываемая, возникаетъ и является.

Такимъ образомъ можетъ справедливо кто-нибудь наки вопрошать: такъ что же возбраняетъ латинамъ и согласно съ ними мыслящимъ содержать съ нами православными, что *Святый Духъ отъ Отца исходитъ!* Когда здраво разсудятъ они о серебряныхъ доскахъ, на коихъ Левъ изобразилъ символъ вѣры; объ утвержденіи и подписаніи соборныхъ дѣяній Іоанномъ; объ умышленомъ Александра ко грекамъ снисхожденіи и позволеніи, Мы требуемъ теперь отъ единоплеменихъ намъ униатовъ того, чего требовали тогда отъ насъ папы ихъ, которыхъ они, по заблужденію своему, донынѣ, яко безгрѣшныхъ, почти обожали. Требуемъ требуемаго ими; предлагаемъ ихъ предложеніе, съ тою только разностию, что предлагаемъ оное неухищренно и притворно, но по христіански, то есть благочестиво и не лицемерно, и призываемъ ихъ къ соединенію не потому только, что реченные папы, по разнымъ видамъ, преклонны были таковое грекамъ снисхожденіе оказывать и свидѣтельствовать о истинѣ; но болѣе потому, что до раздѣленія вся всемірная, соборная и во истину апостольская Церковь въ девяти первыхъ столѣтіяхъ всегда тако мыслила и тако учила.

Слышу, что и латины и согласно съ ними мыслящіе упорствуютъ, говоря, что они содержатъ догматы, какъ было до раздѣленія. Но такъ ли? Если такъ, то, да исповѣдуютъ тѣми же самыми выраженіями и словами, коими Церковь до раздѣленія оной исповѣдовала; да признаютъ и они торжественно, что *Духъ Святый отъ Отца исходитъ*, какъ въ евангеліи намъ открыто и читается, какъ вселенскими соборами, въ символѣ будучи изображено, провозглашается; какъ на серебряныхъ доскахъ нашою Львомъ

начертано; и какъ папоу Александромъ пѣть и читать въ церквахъ грекамъ позволено.

Но латинскіе богословіи учителя хотятъ догматъ сей излагать пространнѣе и растолковать, чтобы представить его яснѣе. Растолковать, чтобы яснѣе представить? Увы! сіе есть то сумазбродство, въ которомъ святой Назіанзинъ изобличилъ начальника ереси Евномія, говоря: *„и впадемъ оба въ сумазбродство, стараясь слишкомъ проникнуть въ таинства Божіи. Сіе есть крайнее безуміе, какъ говорить и божественный Златоустъ, тѣхъ, которые собственнымъ разсужденіемъ хотятъ объять, что превышаетъ ихъ силъ. Какъ! представить яснѣе догматъ? Изяснить таинственное и неизреченное? Излагать латинскимъ учителямъ догматъ, который великія церкви свѣтила учили и исповѣдывали быть неизреченнымъ и непостижимымъ? Они излагаютъ его такъ, какъ толкуютъ; толкуютъ, какъ хотятъ; хотятъ, какъ предубѣжденно понимаютъ; понимаютъ, какъ по малой силѣ и по великому своему бессилію о немъ судятъ; и наконецъ, какъ о догматѣ судятъ, такъ оному и послѣдуютъ; изъ чего явствуетъ, что тако послѣдуя, не вѣруютъ. Симъ образомъ имѣя, буде имѣютъ, знаніе, не имѣютъ вѣры; ибо вѣра, по апостолу, есть *обличеніе вещей невидимыхъ, или непостигаемыхъ, а по сему и неизясняемыхъ. Въ наукахъ предлагаемыя правила мы прежде понимаемъ, а потомъ имъ вѣримъ, то есть, о истинѣ ихъ убѣдительно удостовѣряемся. Но въ вѣрѣ порядокъ другой. Ибо прежде мы вѣруемъ и, плѣняя нашъ разумъ, какъ говоритъ Павелъ, увѣряемся въ истинѣ открытой, а цѣлою уже понимаемъ: *аще не узърете, ниже имате разумѣти* ('). А послѣ уразумѣвъ, тако вѣрую смиренно исповѣдуемъ, *„спровахъ, тѣмъ же возлагалахъ: азъ же смирихся зѣло“* ('). Таковая вѣра безъ излишняго и любопытнаго откровенныхъ намъ догматовъ изслѣдованія, есть должное предъ Богомъ покореніе нашего духа.**

Итакъ, благочестивый и любящій христіанинъ, да разсуждаетъ съ всевозможнымъ вниманіемъ, о чемъ идетъ здѣсь рѣчь? О дог-

1) Исая гл. VII, 9.

2) Псалм. CXV, 1.

матахъ. Что же суть догматы? Истины высокія, небесныя, божественныя, преестественныя, тайныя, непонимаемыя, неизреченныя, неизъяснимыя, по единому только Богомъ дарованному намъ откровенію извѣстныя. Истины не для изслѣдованія и не для испытанія и сужденія, но для безпрекословнаго послушанія и несомнѣннаго вѣрованія предлагаемыя. Почему таковыя догматы, сколько бы по любопытству ни были изслѣдываемы, изъясняемы, и боязливымъ и слабымъ человѣческимъ разсужденіемъ, такъ сказать, взвѣшиваемы, не могутъ во всей точности никогда ни словомъ растолкованы, ни разумомъ совершенно быть постигнуты. Они требуютъ боголюбиваго души расположенія и истиннаго преклоненія воли вспомошествоющей Святымъ Духомъ (*вѣрую Господи! помози моему нестырью*), къ послушанію и повинновенію; таковыя догматы основаніемъ имѣютъ вѣру, а не разсужденіе, которое, какъ апостолъ говоритъ, вѣра должна прельщать и плѣнять. Началомъ вѣры есть откровеніе чрезъ священныя и богодухновенныя писанія, и неисполнимыя свыше преданія чрезъ богопроповѣдателей апостоловъ и преемственно чрезъ вселенскіе, Богомъ собраныя, соборы, и чрезъ различныя писанія богоносныхъ отцевъ, ученіе тѣхъ соборовъ объяснившихъ. Таковыя православная наша вѣра имѣетъ твердыя, постоянныя, непоколебимыя, недвижныя и непреложныя основанія, и нѣтъ ей ни малѣйшей нужды въ схоластическихъ способахъ, въ многообразныхъ хитросплетеніяхъ и во всѣхъ прочихъ замысловатыхъ уловкахъ. На тѣхъ-то основаніяхъ, а не на сихъ замыслахъ, сначала и проповѣдано, и распространено, и утверждено христіанское благочестіе и съ ними догматы до раздѣленія, то есть прежде, нежели вмѣсто церкви открылись академическія, столическія и прочія училища.

Прежде нежели вмѣсто Іоанна и Павла начали въ богословіи провозглашать имена Аристотелевъ и Платоновъ. Прежде нежели возсѣли на сѣдалищѣ Господнемъ, вмѣсто Аенасіевъ, Василіевъ, Григоріевъ и Златоустовъ, Кирилловъ и прочихъ, Аквинаты, Скоцці, Дуранды и Баскбезин, Сварезин и прочіе. Итакъ, отъ тѣхъ первыхъ, а не отъ сихъ вторыхъ, по подлежащему богоугодному

нашему намѣренію, есть надежда, что Божиимъ благоволеніемъ и послѣщеніемъ водворится нѣкогда и послѣ вкравшагося жалостнаго раздѣленія вождѣльное оное церковей соединеніе. Аминь.

Превосходительнѣйшій Господинъ!

Вотъ что могъ я, по жѣрѣ слабого моего разсужденія, на предложенный мнѣ вашимъ превосходительствомъ вопросъ, написать; которое все и подвергаю разсмотрѣнію и изслѣдованію управляющаго церковію всея богохранимая россійскія державы святѣйшаго Синода, въ которомъ ваше превосходительство поставлены окожь государевымъ и достойнымъ законовъ оберегателямъ; а я оному покорень, послушенъ и совершенно преданъ, почитаю себѣ за долгъ исполнять вашу волю и предложенія, на вѣрѣ основываемыя.

А. Е.



# САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

## *Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»*

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

**На сайте академии**  
**[www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки